

В.А. Теплова

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Православие на землях Беларуси: страницы истории¹

Аннотация. В статье рассказывается о том, что исторический путь Православия на землях нынешней Белоруссии насчитывает более тысячи лет и отличается большим своеобразием. Государства, в состав которых входили западнорусские земли, оказывали решающее влияние на состояние церковной жизни населения этих территорий. Православие пришло на земли нынешней Белоруссии вместе с крещением всей Руси в конце X века. Это было начало сложного и долговременного процесса христианизации огромного Древнерусского государства, политического объединения восточнославянских племён. Можно утверждать, что к концу XI века земли нынешней Белоруссии были православными. Второй период истории Православия на древнерусских землях связан с образованием Великого княжества Литовского и длился вплоть до провозглашения Брестской церковной унии (вторая половина XIII века — конец XVI века). Его характерной чертой является постепенная утрата позиций Православной Церкви в результате политики религиозной индифферентности, проводимой языческими властями Великого княжества Литовского, а с 1387 года — открытой поддержки Римско-католической церкви, закончившийся принятием Брестской церковной унии. Третий период (XVII век — конец XVIII века) был временем борьбы за выживание в условиях господства католицизма и антиправославного законодательства,

¹ В публикации автор использовал в том числе материалы своих исследований, выходявших ранее (см. Список литературы).

действие которого поставили Православную Церковь на грань исчезновения. Конец XVIII — начало XX века характеризуется включением территорий Белой Руси в состав Российской империи. Это было время возрождения Православия и воссоединения белорусского народа, разделённого Брестской церковной унией на православных и униатов. Советские годы в истории Русской Православной Церкви в Белоруссии связаны с тяжёлыми испытаниями, которые Православная Церковь пережила в советское время. Современный период в истории Православной Церкви в Белоруссии начинается с учреждения Белорусского Экзархата Московского Патриархата в 1989 году и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Он характеризуется непростым процессом духовного возрождения общества и стремительного восстановления позиций Православия в суверенной Республике Беларусь.

Ключевые слова: Православие, крещение, католичество, Брестская церковная уния, Полоцкое княжество, Великое княжество Литовское, Беларусь, Русская Православная Церковь, Белорусская Православная Церковь, Белорусский Экзархат, воссоединение, упразднение, белорусский народ, возрождение, святость

Для цитирования: Теплова В.А. Православие на землях Беларуси: страницы истории. *Ортодоксия*. 2021. №2. С. 12–71. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-12-71

В наступившем 2022 году Белорусская Православная Церковь отмечает 1030-летие прихода Православия на белорусскую землю. Этот более чем тысячелетний путь не был простым. Православие на территории нынешней Белоруссии не раз стояло перед угрозой исчезновения. Однако Промысл Божий, стойкость в вере простого народа и мученичество его святых подвижников сохранили традиции древнего православного благочестия. Они живы и сегодня.

История Православной Церкви в Белоруссии неразрывно связана с историей государственных образований, существовавших на её территории: Полоцкого и Туровского княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского государства, правящие круги которых зачастую оказывали решающее влияние

на состояние церковной жизни населения этих земель. Исходя из этого в истории Православной Церкви в Белоруссии можно выделить шесть периодов: первый — от времени Крещения Руси до середины XIII века, когда под ударами монголо-татар пала Восточная и Южная Русь (X век — первая половина XIII века). Это было время утверждения христианского вероучения, становления церковной структуры, традиций православной культуры. Второй период связан с образованием Великого княжества Литовского до провозглашения Брестской церковной унии (вторая половина XIII века — конец XVI века). Его характерной чертой является постепенная утрата позиций Православной Церкви в результате политики религиозной индифферентности, проводимой языческими властями Великого княжества Литовского, а с 1387 года — открытой поддержки Римско-католической церкви. Закончился данный период принятием Брестской церковной унии. Третий период (XVII век — конец XVIII века) — время борьбы за выживание в условиях господства католицизма и антиправославного законодательства, действия которого поставили Православную Церковь на грань исчезновения и создали в Речи Посполитой проблему диссидентства. Четвёртый период (конец XVIII века — начало XX века) — включение территорий Белой Руси в состав Российской империи, период возрождения Православия и воссоединения белорусского народа, разделённого Брестской церковной унией на православных и униатов (1795–1917 гг.). Пятый период (1917–1988 гг.) связан с тяжёлыми испытаниями, которые Православная Церковь пережила в советское время. Новейший период в истории Белорусской Православной Церкви начинается с учреждения Белорусского Экзархата Московского Патриархата в 1989 году и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Он характеризуется непростым процессом духовного возрождения общества и стремительного восстановления позиций Православия в суверенной Республике Беларусь.

Настоящее исследование рассматривает историю православия на белорусских землях до 1917 года.

Возникновение Православия и его распространение на древних западнорусских землях в X–XIII веках

Православие пришло на земли нынешней Белоруссии вместе с крещением всей Руси в конце X века. Это было начало сложного и долговременного процесса христианизации огромного Древнерусского государства,

политического объединения восточнославянских племён. «В лето 990 ..., – говорится в Густынской летописи, – Владимир разделил Русскую землю на 12 княжений, сыном своим двенадцатым: во-первых, посади на великом княжении Новгородском старейшего сына своего Вышеслава, в Полотеске — Изяслава... Посла же с ними и священники, заповеда сыном своим, до каждо по области своей повелевает учить и крестить людей, и церкви ставити; еже и бысть» (Полное собрание... 1843: 259).

Однако традиция церковного предания связывает начало распространения слова Божия ещё с апостолом Андреем. Не исключено, что задолго до официального принятия новой религии уже во второй половине IX века — середине X века христианство было известно жителям земель нынешней Белоруссии (о распространении христианства на всём пространстве Руси до св. Владимира см.: Свет веры, Свет книги... 2016: 4–170). Заслуживает внимания тот факт, что в 865 году (по другим сведениям — в 867 году) Полоцк, являвшийся племенным центром кривичей, подвергся нападению киевских князей Аскольда и Дира, принявших крещение в начале 60-х годов IX века при Константинопольском патриархе Фотии. Знакомству кривичей-полочан с христианством могло способствовать участие их дружины в 907 году в походе киевского князя Олега на Константинополь. В 944 году кривичи совершили аналогичный поход в составе войск князя Игоря, часть дружины которого исповедовала христианство. Участники походов на Византию из древнерусских земель не только знакомились с результатами византийской цивилизации, но и усваивали вместе с ними основы Православия. Источником знакомства с христианством могла быть и Скандинавия, с которой население нынешних белорусских земель находилось в оживлённых торговых сношениях. Вполне вероятно, что полоцкий князь Рогволод и его семья с сочувствием относились к христианской вере, а в столице княжества имелись христианские храмы. При раскопках на месте возведённого в XI веке каменного Софийского собора было обнаружено большое кострище. Можно предположить, это были остатки деревянного храма, сгоревшего ещё во время пожара 975 года при взятии Полоцка войсками князя Владимира.

Вполне вероятно, что христианская община в Полоцке возникла в результате проповеди, с которой по Днепру и Припяти на север Руси приходила равноапостольная княгиня Ольга, предшественница

святого равноапостольного князя Владимира. Витебская летопись, переписанная мещанином Михаилом Панцирным, под 974 годом упоминает о закладке в Витебске великой княгиней Ольгой церковью Благовещения и Архангела Михаила.

О первых шагах христианства на полотчине повествует и скандинавская «Сага о крещении», рассказывающая о святом Торвальде Кондрансоне, крестившем исландские земли. Возвращаясь на места своих равноапостольных трудов из паломничества в Иерусалим и Константинополь, в 986 году Торвальд по распоряжению византийского императора Василия II прибывает в Полоцк с помощником Стевниром Таргельсоном. Неподдалёку от Полоцка он основывает монастырь во имя св. Иоанна Предтечи, где и был погребён в 1000 году.

Первая епископская кафедра на землях нынешней Белоруссии была учреждена в 992 году в Полоцке в числе тех десяти епархий, которые возникли на Руси в конце X–XI веков. Такие события, как свержение языческих богов, крещение огнём и мечом, которые на первом этапе сопровождали принятие христианства в Киеве и Новгороде, в Полоцке неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что политика полоцкого князя Изяслава, с именем которого связано начало распространения христианства, отличалась необычайной для того сурового времени мягкостью и терпимостью. «Бысть же сей князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческий, и прилежаша прочитанию божественных писаний, и отвращался от суетных глумлений, и слёзен, и умилен, и долготерпив», – рассказывает Никоновская летопись о родоначальнике полоцких изяславичей (Полное собрание... 1862: 68). По-видимому, в таком же духе действовал и прибывший с ним епископ, имя которого источники не сохранили.

Первым полоцким владыкой, упоминаемым в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1105 годом, был свт. Мина: «Того же лета постави [митрополит Никифор I] Мину Полотьску месяца декабря в 13 день». Известно, что на Полоцкую кафедру он был поставлен из числа насельников Киево-Печерского монастыря, что в 1115 году Мина участвовал в перенесении мощей мучеников Бориса и Глеба (Приселков 2003: 181; Кривонос 2012: 15–17), что в 1116 году он скончался. Не сохранилось сведений о причислении епископа к лику святых, хотя в работе архимандрита Леонида (Кавелина) «Сведения о всех святых

подвижниках благочестия на Руси», вышедшей в 1891 году, епископ Мина называется местно чтимым, как иерарх из числа Киево-Печерских иноков (Кавелин 1891).

В житии преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой (1101–1173 гг.), говорится о том, что занимавший в начальные годы её монашества Полоцкую кафедру епископ Илия (20–30-е годы XII века) хорошо знал, что до его предшественника св. Мины Полоцкую кафедру окормлял целый ряд епископов, погребённых в храме-усыпальнице в имении Сельцо, пожертвованном Евфросинии для основания в нём монастыря. Уступая Евфросинии «местечко Сельце», принадлежавшее архиерейскому дому, епископ Илия сказал: «Есть там церковь Всемиловитого Спаса, идеже братия наша лежат, прежде нас бывшие епископы». По сведениям В. Татищева и митрополита Платона (Левшина) в конце XI века — начале XII века епископом Полоцким был Никифор (ум. в 1121 году), ставший затем Киевским митрополитом. В Ипатьевской летописи под 1143 годом упоминается также о поставлении Киевским митрополитом в Полоцк епископа Козьмы: «поставиша епископа Козму». Возможно, он прибыл в Полоцк из Византии тремя годами ранее вместе с полоцкими князьями, вернувшимися из десятилетнего изгнания. Епископ Полоцкий в 1147 году присутствовал на соборе в Киеве по случаю поставления на митрополичью кафедру Климента Смолятича. Есть предположения, что он выступил противником этого события, и после победы национальной партии в вопросе о самостоятельности русской митрополии был лишён кафедры. Но, когда верх одержала партия грекофилов, он вернулся на кафедру (Мельников 1992: 23). Последнее упоминание епископа Козьмы датируется 1156 годом.

Преемником Козьмы был епископ свт. Дионисий, время хиротонии которого колеблется в пределах от 1169 до 1183 года. Возможно, именно по его благословию преподобная Евфросиния Полоцкая отправилась в паломничество на Святую Землю. Вероятно, он же был инициатором её церковного прославления, так как именно при нём было написано её житие и в её честь составлена служба. Ипатьевская летопись свидетельствует, что после кончины Дионисия в 1182 или 1183 году Полоцкую кафедру уже возглавлял епископ, грек Николай. В том же году при пострижении игумена Василия Новгородского митрополитом Киевским Никифором II в Киеве присутствовал среди других епископов и «Никола Полотский епископ». Он управлял епархией до 1218 года. В этот же

1218 год упоминается Полоцкий епископ Владимир, а около 1231 года — епископ Алексей «Олекса».

Если время основания Полоцкой кафедры у историков особых разногласий не вызывает, то обстоятельства возникновения Туровской епархии не совсем ясны. Киево-Печерский патерик, редакции архимандрита Иосифа (Тризы), датой основания Туровской епископии называет 1005 год. Такого же мнения придерживаются и современные исследователи. Например, Г.В. Штыхов считает, что для более раннего возникновения кафедры в Турове не было благоприятных условий. Христианские миссионеры на лесистых и заболоченных территориях, где проживало местное языческое население, встречались с большими трудностями и даже погибали.

Однако, по мнению другого белорусского исследователя П.Ф. Лысенко, использование Киево-Печерского патерика XVII века для определения даты основания Туровской епархии, неправомерно. Во всех его ранних версиях источник, позволяющий говорить о возникновении Туровской епархии в 1005 году, отсутствует. Это даёт историку основание для допущения более ранней даты учреждения епископской кафедры в Турове. Доказательством для такого предположения П.Ф. Лысенко считает географическую близость Турова к Киеву, центру христианизации Восточной Европы, и важнейшим для Киевского княжества городам, куда по летописному порядку получали назначения сыновья Владимира.

Исследователь относит возникновение Туровской епархии к 992 году (Лысенко 2005: 17–23). В предполагаемой датировке П.Ф. Лысенко не оригинален. Об одновременности учреждения Полоцкой и Туровской епархий говорит Е.Е. Голубинский (Голубинский 2002: 335). Такого же мнения придерживается и И.Ю. Брайчевский (Брайчевский 1989: 193).

Безусловно, учреждение епископской кафедры в Турове не было актом случайным. Город со времени своего возникновения являлся не просто важным политическим, но и сакральным центром. Это отличало его от большинства других городов древней Беларуси, которые были обязаны своим возникновением развитию торговли, ремёсел, как Полоцк и Витебск, или выполнению ими функций военных форпостов, как Заславль и Новгородок. Можно предположить также, что христианство не сразу утвердилось на Туровской земле, что жители Турова

оказали сопротивление принятию христианства. Возможно, сохранившаяся до сегодняшнего дня легенда о приплывших из Киева по Припяти каменных крестах, окрасивших воду у Турова цветом крови, является осмыслением протеста, оказанного крещению местным населением.

После принятия христианства в 988 году киевский князь присылает на Туровский престол своего старшего сына Святополка, несмотря на то что юный княжич к этому времени был ещё не способен самостоятельно управлять княжеством (ему было не более 10–12 лет). Именно поэтому при князе находился епископ, при котором и была создана Туровская епархия, объединявшая огромную территорию, населённую в X веке местными языческими балтскими племенами: земли Туровского княжества, Верхнего Понеманья и северную часть Волынского княжества. Следовательно, христианизация этих земель туровскими князьями и туровским епископом осуществлялась вместе со славянской колонизацией белорусского Полесья и Черной Руси, а Туров выступал как религиозный центр всей южной и западной Беларуси.

Если верить единственному письменному источнику, первым туровским архиереем был епископ Фома. Вероятно, уже в 90-е годы X века на детинце Турова была возведена деревянная кафедральная церковь, на месте которой в XII веке строится большой каменный собор, разрушившийся в 1230 году в результате строительных просчётов². На протяжении последующих ста лет о туровских иерархах упоминаний нет. Священник Ф. Кривонос считает, что Туров в это время подчинялся Киевской митрополии (Кривонос 2005: 30). Однако в последние десятилетия получила широкое распространение и другая версия: Туровская кафедра прекратила своё существование в связи с попыткой князя Туровского Святополка принять католичество и основать католическую кафедру во главе с епископом Колобжегским Рейнберном³, духовником жены Туровского князя. Однако источники не подтверждают эту точку зрения. Рейнберн не мог быть епископом — основателем Туровской епархии и по той причине, что ко времени его прибытия в Туров (1008 год) Туровская епархия уже существовала.

Летописные сведения о Туровской епархии вновь появляются в XII веке. Под 1114 годом Лаврентьевская летопись сообщает,

² Утверждение о разрушении храма в результате возможно имевшего место землетрясения вряд ли состоятельна (см.: Загоруйский 2013: 432).

³ Жлутка Алесь. Пункцыі вялікага шляху. *Catholic.by*. — URL: <https://media.catholic.by/nv/n14/art10.html> (дата обращения: 13.01.2022).

что митрополит Никифор поставил Кирилла епископом 6 ноября. Летописец не называет епархию, на которую был назначен Кирилл. Можно лишь предположить, что это была Туровская епископия (Миловидов 1894: 28). Следующими Туровскими епископами были Симеон и Игнатий (Лысенко 2001: 50). В 1146 году, согласно Ипатьевской летописи, был хиротонисан епископ Иоаким, в 1147 году принявший участие в избрании на Киевскую митрополию Климента Смолятича (Кривонос 2012: 18).

В 1167 и 1169 годах упоминается епископ Георгий, известный по «Слову о Мартине мнихе» (XII век). Преемником Георгия стал подвижник и столпник, «златоуст» земли Туровской Кирилл II (род. около 1130 года). Не позднее 1183 года святитель оставил кафедру и удалился в Борисо-Глебский монастырь, где и отошёл ко Господу. Около 1183 года на Туровскую кафедру был поставлен святитель Лаврентий, инок одного из Киевских монастырей (Костюк 2002: 60–61).

Таким образом, Полоцкое и Туровское княжества сыграли главную роль не только в христианизации, но и славянизации этих древнерусских земель, в утверждении и развитии здесь основ древнерусской государственности, в этнической интеграции населения западных земель Руси. После расселения славян севернее Припяти в русло восточнославянского этногенеза были вовлечены большие массы древнего балтского и финно-угорского населения, оказавшего немалое влияние и на дальнейшее развитие восточных славян. Можно утверждать, что к концу XI века земли нынешней Белоруссии были православными, даже учитывая более медленные темпы утверждения христианства в среде сельского населения (Заяц 1992: 22).

Чем объяснить такое быстрое и мирное распространение христианства в этих древнерусских землях? Скорее всего, тем, что среди её правящих и просвещённых кругов, в той же степени, что и среди широких народных масс, было немало людей, чьи умы и сердца оказались покорёнными духовными и моральными доктринами Православия. Возможно, что многих из них вдохновлял пример первых апостолов христианства, последовавших указанию их Господа и отправившихся проповедовать Евангелие всем народам (Мф. 28: 19).

Говоря о причинах принятия христианства именно из Византии, нельзя забывать, что Византийская империя в IX–XI веках имела важнейшее значение для духовной жизни не только Востока, но и Запада.

Константинополь обладал тогда несомненным первенством в культуре. Ни один другой город не мог с ним соперничать. Его блеск оказывал сильное влияние на народы, живущие не только у границ империи, но и далеко за её пределами, в том числе и славян, которые считали Царьград центром мира. Рассказ летописца Нестора о том впечатлении, которое произвело на послов киевского князя Владимира великолепие православной литургии в константинопольском храме Св. Софии, объективно передаёт это превосходство византийской культуры (Диль 1948).

Анализируя причины обращения древнерусских земель к Православию, нужно помнить, что в IX веке славянские народы оказались перед дилеммой культурного вступления в одну из двух частей христианского мира — в латинский Запад или греческий Восток. В целом они почти все предпочли Восток. Помимо уже упомянутого превосходства византийской культуры, значительную роль сыграло применение константинопольскими миссионерами в проповеди и богослужении славянского языка. Русь (Западная, Восточная и Южная) воспринимала христианство не просто от наиболее просвещённой страны, но и на своём родном языке.

Передавая христианство русскому народу, Константинополь заложил в него сильный унифицирующий фактор. До принятия христианства не было Руси единой политически и духовно. Этому разделению способствовали полиархия князей и языческий политеизм. Поэтому русские летописцы считали крещение князя Владимира не только началом истории Руси, но и началом её славы и величия.

Русь обрела в христианстве элементы общности: общие догматы, общее литургийное предание, общий церковный язык и литературу, общее письменное право, социальные реформы, основанные на заповедях любви и человеколюбия. Единство политического и церковного управления во главе с великим князем и митрополитом способствовали единению русского народа. Племенное самосознание постепенно утрачивалось (этноним «дреговичи», например, последний раз упоминается в летописи под 1149 годом, «кривичи» — под 1162, «радимичи» — под 1169 годом), и возникало единое этническое самосознание общее для всех восточных славян — Русь, Русская земля с общим названием её населения — русские (Пилипенко 1991: 70).

Единство Руси, её земель и населения — главная идея произведений всех известных древнерусских общественно-политических, церковных

деятелей и писателей. Так, Даниил — уроженец Черниговщины, автор «Хождения в Палестину», которое было написано не позже 1113 года, называл себя игуменом «Русския земли». Он поставил лампаду над «гробом господним» «за вся князя наши и за всю Русскую землю, за вся христиана Русския земли» (Православный Палестинский сборник 1885: 128–129). Среди русских князей, за которых молился Даниил, назван и минский князь Глеб Всеславич (1101–1119 гг.). Знаменитый проповедник Кирилл Туровский (около 1130–1185 гг.), согласно «Памяти», написанной неизвестным автором вскоре после смерти святого, был «рождён и воспитан града та Турова в Русской стране и тако нарицаема» (Творения иже во святых отца нашего Кирилла, епископа Туровского 1880).

Гениальный автор «Слова о полку Игореве» с глубокой сердечной болью за народ рисует картины тех бедствий, которые причинила Руси междоусобная борьба князей за земли, за власть: «Черна земля под копыта костыми была посеяна, а кровью польяна: тугою въздоша по Русской земле» (Слово о полку Игореве 1950: 16).

В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского встречаем целый ряд сообщений о походах полоцких князей и зависимых от них князей Герсике и Кукенойса на крепости и замки Ливонского Ордена. Во всех этих известиях полоцкие и их вассальные князья, их дружины, городское ополчение и просто полоцкие купцы и «военные люди» называются русскими (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии 1938: 73). Подобных примеров можно привести множество (Петрухин 1995).

Приняв Православие, Западная Русь, также, как Русь Восточная и Южная, вошла в ойкумену византийской цивилизации, восприняв её систему культурных ценностей, верований, интеллектуальных, эстетических и духовных достижений. Однако наследие это наложилось на столь мощный пласт собственной славянской культуры, что византийский духовный вклад сильно трансформировался в этой стихии, дав начало близкому, но всё-таки новому православно-русскому культурному процессу, на формирование которого большое влияние оказали и земли нынешней Белоруссии (Западная Русь) X–XIII веков.

Важнейшей основой этого процесса стало не только образование молодого государства, объединённого единой династией Рюриковичей, но и духовно-культурного единства, главная заслуга в создании которого принадлежит Русской Православной Церкви. Полочанин и киевлянин,

новгородец и псковитянин, житель Турова, Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси, приходя в православный храм на молитву и слушая поминовение митрополита Киевского и всея Руси на родном языке, безусловно, проникался чувством национального самосознания, принадлежности к единой культуре.

Общими для всей Руси были и те глубокие внутренние процессы духовного возрождения, которые произошли в связи с принятием Православия. Ещё совсем недавно грубые язычники под влиянием учения Православной Церкви становились благочестивыми христианами. В сознании народа вырабатывались новые представления о жизни, новые идеи, новые понятия. В этом духовном самоусовершенствовании особенно выделялись религиозно-настроенные люди, которые оставляли свои дома и уходили в уединённые места для молитвы и подвижнической жизни. Они становились монахами. В числе их были как знатные, так и простолюдины. Монашеская жизнь привлекала многих своею нравственной строгостью и молитвенным подвигом, чего не было в мирской жизни.

Белорусский народ сохранил имена подвижников, прославившихся своей святостью, передавая память о них из поколения в поколение. Все они причислены Русской Православной Церковью к лику святых. Это святые Евфросиния Полоцкая, три Полоцких епископа: Мина, Дионисий и Симеон, епископы Туровские — Кирилл и Лаврентий. В Туровском Борисоглебском монастыре подвизался преподобный Мартин. В Смоленске прославились святостью своей жизни преп. Авраамий, преп. Ефрем, Св. Андрей, князь Смоленский.

Большую роль в духовно-нравственном становлении белорусского народа играли монастыри — источники культуры и просвещения. Есть основания предполагать, что число их было достаточно велико. В каждом епископском городе был построен монастырь или несколько. Первым монастырём на территории современной Белоруссии следует считать монастырь в Изяславле, поставленный княгиней Рогнедой, в котором она и приняла иночество под именем Анастасии (Кривонос 2000). Почти при каждом монастыре размещались школы и библиотеки, велось летописание, составлялись жития святых. Именно отсюда по всей земле русской расходилось слово Божие. С монастырями древней Туровской епархии были связаны и первое на Руси «Туровское Евангелие», и «Поучения» Св. Кирилла Туровского. Неподалёку от Полоцка, в Спасском монастыре,

в котором свершала свой молитвенный и просветительский подвиг преподобная Евфросиния, переписывались книги, в монастырской школе обучались дети (Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобная Еуфросинии... 1994; Мельников 1997).

История средневековых русских православных монастырей обнаруживает неукоснительную верность византийским образцам. И всё-таки нельзя отрицать того факта, что с течением времени византийское христианство приобрело на Руси отчётливую местную окраску. Это произошло не в результате произвольного отбора, а главным образом, благодаря сознательной склонности русских выделять определённую сторону византийской традиции, подчёркивать какие-то отдельные добродетели и образцы поведения как заслуживающие особого восхищения. Широко распространённый и популярный в народе на всём обширном пространстве Руси культ святых князей Бориса и Глеба, канонизированных уже в 1072 году, основывался на убеждении, что невинная жертва убийства есть мученик. Этот культ не находит параллели в Византии и может служить примером того сочувствия людским страданиям, которые во всей русской православной истории было одним из качеств, особо высоко чтимых народом.

Широкое распространение на Руси, в том числе и Белой, получило целование Креста, как подтверждение обязательств, взятых на себя тем или иным лицом, в том числе и княжеского достоинства. Летописи сохранили интересные сведения современников об оценке результатов народного восстания в Киеве 27 сентября 1068 года, когда великий князь Киевский Изяслав вынужден был бежать из города, а повстанцы посадили на престол освобождённого из «поруба» Полоцкого князя Всеслава. Киевляне восприняли эти события как кару Божью за нарушение старшими Ярославичами крестного целования, имевшего место год назад под Оршой, когда поверивший клятве Полоцкий князь был арестован и взят в полон. Летописец подчёркивает, что Всеслав, находясь в тюрьме, обратился за помощью к кресту со словами: «О, Святой Крест, так я верил в тебя, избавь меня от этой ямы». Бог показал силу Креста, освободив невинного из неволи. По убеждению летописца, крест избавляет от несчастий каждого, кто обращается к нему с верой.

В Западной Руси христианский праздник «Воздвижения Креста Господня» приобрёл особое звучание. Приверженность почитанию креста подтверждается находкой уникальной каменной иконки

с образами св. Константина и св. Елены, держащих перед собою большой крест (Штыхов 1982; Киев и Западные земли Руси в IX–XIII вв. 1982). В этой же связи нельзя не упомянуть замечательное художественное изделие XII века — знаменитый крест Евфросинии Полоцкой, выполненный по её заказу гениальным мастером Лазарем Богшей и возвращённый к жизни по благословению Его Высокопреосвященства митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета, (Алексеев, Макарова 1997).

Православие определило содержание средневековой культуры в западнорусских землях и тем самым связало их с культурным миром всего славянства и других христианских народов Востока и Запада. Нет ни одного вида искусства или направления культуры, которые бы не были одухотворены Православием.

Книга, архитектура, живопись, декоративное искусство, шитьё, хоровая музыка, школа, политическая мысль и богословие этих древнерусских земель на протяжении многих столетий (вплоть до конца XVII века) оставались исключительно церковными. Однако во всех сферах культуры проявилось такое своеобразие, которое позволяет говорить о существовании местных традиций и школ. Особенно отчётливо они проявились в архитектуре. Церковное зодчество полотчины, витебщины и гродненщины, вершинами которых явились София Полоцкая, Спасо-Преображенский, Благовещенский и Борисоглебский (Коложский) храмы, свидетельствуют о появлении новых архитектурных стилей, новых школ зодчества, которые сформировались на основе принципиальной переработки византийско-древнерусских традиций. По-видимому, через Смоленск, Новгород, Псков, Чернигов и другие города особенности этих архитектурных стилей осваиваются всей Древней Русью, а с XV века получают своеобразное развитие в Москве. Об этом свидетельствует архитектура Спасо-Преображенского собора Андронникова монастыря (1427 г.) и Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (1423 г.). Апогеем развития полоцких архитектурных традиций на русской основе является церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой, построенная в 1532 году⁴. Таким образом, Западная Русь не только принадлежала к православно-русской цивилизации, но и являлась её колыбелью, оказывая заметное влияние на развитие культуры Южной и Восточной Руси.

⁴ См.: (Загоруйский 2013; Лаврецкий 1995; Сарабьянов 2009).

Западная Русь в составе Великого княжества Литовского

Начавшийся в XII веке — середине XIII века процесс политическое разъединения Руси коренным образом изменил геополитическое положение восточнославянских земель. Он привёл к постепенной утрате значения древних политических и культурных центров: Киева, Новгорода, Полоцка, Турова. Этот процесс был ускорен монголо-татарским нашествием с юго-востока, литовским, шведским и немецких рыцарей — с севера и северо-запада, польской и венгерской экспансией — с юга и юго-запада. Уже к середине XIII века северо-восточная Русь оказалась в вассальной зависимости от Орды; к XIV веку Полоцкая, Турово-Пинская, Витебская, Смоленская, земли Черной Руси, Северская земля, Волынь, Подолия и Киев входят в состав Великого княжества Литовского. Червоная Русь в 1339–1340 годах была присоединена к Польше.

Следует заметить, что монголо-татарская оккупация восточнославянских земель существенно отличается от литовско-польской: татары не собирались колонизировать Русь и обращать в свою веру её жителей. По верному наблюдению Л.В. Левшун, описанные в летописях факты принуждения русских князей поклоняться идолам свидетельствуют скорее об отношении ханов к князьям, но не о намерении «оязычить» всю Русь. Северо-восточная Русь выступала, прежде всего, как данник Орды; а в период «великой замятни» — и как союзник ордынского «царя». В свою очередь в русских феодальных усобицах удельного периода татары зачастую «наводили порядок», приглашённые «на помощь» тем или иным князем. Татарские погромы разрушали лишь материальную культуру. На пепелищах вырастали новые храмы и города. Культура северо-восточной Руси в условиях иноземного ига, даже утрачивая лучшие свои достижения, оставалась самоидентичной и была ориентирована на домонгольскую культуру, продолжала её традиции (Левшун 2007).

Иначе складывались отношения Церкви и государства в Великом княжестве Литовском, в состав которого во второй половине XIII–XIV веков вошли древние западнорусские земли. Если Русь Восточная под водительством князя Александра Невского в тяжёлой борьбе с орденом сумела отстоять свою независимость на берегах Невы и льду Чудского озера, то Великий князь Литовский Миндовг, испуганный угрозой утраты государственной независимости, в 1252 году обратился к католичеству. С ослаблением опасности со стороны ливонцев в 1260 году

он вернулся в язычество, которого, по существу, никогда не оставлял. Иначе вёл себя его сын, Войшелк. По сообщению Ипатьевской летописи он крестился в Новогородке, принял монашество и даже пробовал совершить паломничество на святую гору Афон. Вернувшись, Войшелк основал «на реке Немне межи Литвою и Новым городъкомъ» монастырь (Полное собрание русских летописей 1843: Стб. 859), в котором сохранилось Лавришевское Евангелие конца XIII–XIV веков.

Занимавшие великокняжеский стол Витень (1293–1316 гг.), Гедимин (1316–1341 гг.), Ольгерд (1345–1377 гг.), Кейстут († 1381 г.), как и подавляющее число их соплеменников, были язычниками. Привязанностью к язычеству правителей Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) объясняется то обстоятельство, что в XIII веке — первой половине XIV века Киевские митрополиты, уже проживавшие с разрешения патриаршего Синода в северо-восточной Руси, ни разу не посетили западнорусские епархии. Когда же митрополит Алексей в 1358 году приехал в Киев, входивший в сферу политического влияния Ольгерда, он был схвачен и посажен в темницу, из которой с трудом бежал. В XIII–XV веках на древнерусских землях Великого княжества Литовского строительство каменных храмов почти прекратилось, количество основанных монастырей было невелико. Тем не менее, кафедра митрополита при этом оставалась единой для православных всей Руси.

Процесс собирания русских земель, проводимый Великими князьями Московскими в XIV веке, сопровождался идеей о наследовании духовно-политического авторитета Византии в восточноевропейском регионе. Не была чужда эта идея и Великим князьям Литовским. Скорее всего, именно она побудила Гедимина, враждовавшего с Московским княжеством и проживавшим в его пределах Киевским митрополитом, предпринять попытку устроить в своём государстве особую митрополию с центром в Новогрудке. В 1316 году ему удалось добиться в Константинополе поставления в новую митрополию митрополита Феофила, под управление которого перешли канонические территории Полоцкой и Туровской епархий. Значение её создания определяется и тем, что митрополит трижды — в 1317, 1327 и 1329 годах — присутствовал на заседаниях патриаршего синода. Возможно, в Константинополе созданию Новогрудско-Литовской митрополии также придавалось особое значение. Это было время, когда патриарх Афанасий I, осуществляя широкую программу церковных реформ, предполагал для усиления миссионерской деятельности

Церкви создавать и укреплять митрополии, способные существовать самостоятельно. Такими центрами были: Владимир-на-Клязьме, Галич на украинских землях, Новогрудок в Великом княжестве Литовском. Создание нового церковного религиозного центра в Великом княжестве Литовском способствовало и более тесному включению его населения в общность народов византийского типа ментальности и христианской культуры. В первой половине XIV века в Новогрудке, на детинце, была возведена каменная церковь Пресв. Богородицы. Скорее всего, она являлась кафедральным собором новой митрополии. Однако через два десятилетия Новогрудско-Литовская митрополия, вероятно, потеряла значение для церковной политики Константинополя, и после кончины её первого митрополита Феофила (1335 г.) новый митрополит в Литву поставлен не был. Таким образом, возникновение независимых Галицкой и Новогрудско-Литовской митрополий не произвело в то время раскола церковного единства Руси.

По-иному встал вопрос о самостоятельности Православной Церкви в пределах ВКЛ 50–60-х годов XIV века. Задача приобретения влияния на внутренние дела Православной Церкви в общерусском масштабе стала одной из центральных в политике Ольгерда, остававшегося в язычестве. Именно в это время три придворных Великого князя Литовского Ольгерда — Антоний, Евстафий и Иоанн — приняли мученическую кончину (1347 г.) за исповедание Православной веры и нежелание поступиться своими убеждениями. По существу, это событие отражало сложный характер взаимоотношений православного населения ВКЛ и государства, для политической элиты которого Православие оставалось лишь аргументом в борьбе за власть. В 1354 году Ольгерд при поддержке главы автокефальной Болгарской церкви посадил на Киевскую кафедру церковного авантюриста Феодорита. Возмущённый грубым вмешательством Ольгерда в церковные дела и неканоническими действиями патриарха Тырновского, патриарх Константинопольский Филофей особым указом подтвердил акт перенесения кафедры митрополита всея Руси из Киева во Владимир-на-Клязьме с сохранением титула «Киевский». Однако, не желая возникновения военно-политических осложнений между Московским и Литовским княжествами, Константинопольский патриарх в 1354 году возрождает Литовскую митрополию в составе Галицкой, Владимиро-Волынской, Луцкой, Холмской, Перемышльской, Туровской и Полоцкой епархий. В 1364 году митрополит Московский Алексей,

не желая допустить искусственного разрыва живого церковного единства, установил во всея Русской Церкви празднование памяти святых Виленских мучеников — Антония, Евстафия и Иоанна.

Литовская митрополия просуществовала до кончины нового ставленника Ольгерда митрополита Романа (1361 г.). В 1364 году патриарх Константинопольский Каллист особым указом восстановил единство митрополии всея Руси. Однако это решение вновь вызвало противодействие со стороны Ольгерда, стремящегося возвратить Киеву значение общерусского церковного центра. Результатом возникших разногласий стало рукоположение в 1375 году в сан митрополита Литовского иеромонаха Киприана с правом занятия кафедры митрополита Московского Алексия. Только в 1396 году Киприан († 1406 г.), избранный на московскую кафедру, в сложных политических условиях восстановил единство Русской Православной Церкви и умело поддерживал мир на всём обширном пространстве Православной Руси. Таким образом, пошатнувшееся единство Русской Православной Церкви было вновь восстановлено. Можно смело утверждать, что Православие в середине XIII века и первой половине XIV века явилось той духовной основой, которая помогла противостоять военной агрессии со стороны католического запада⁵ и сформировать основы государственности Великого княжества Литовского. Литовские князья осознавали значение культурного воздействия православного населения и старались поддерживать его. Православное вероисповедание славян, никогда не отличавшихся миссионерской экспансивностью, воспринималось литовцами как составляющая славянской культуры и не вызывало противодействия. Весьма способствовали этому браки между литовскими князьями и русскими православными князьями. Однако сам великий князь «до конца XIV в. оставался язычником и христианство принял только на смертном одре». Но уже тогда Великое Княжество Литовское, «будучи прямым продолжением государственности древнерусской, не было тождественно ей...». Не вызывает удивления тот факт, что ещё в 1274 году независимый «Смоленск предпочёл добровольное присоединение к Золотой орде литовской оккупации... просил принять его в состав улуса Джучиева, чтобы получать помощь против посягательств Литвы, и на время стал щитом России... А ведь татары даже близко не подходили к Смоленску» (Гумилев 2001: 476, 484). Не случайно, в XIII–XV веках в Великом

⁵ О возникновении конфронтации между Русью и латинским миром см.: (Флоря 2004: 152–212).

княжестве Литовском были прославлены лишь прп. Елисей Лавришский (на Виленском Соборе 1514 года) и, возможно, свт. Макарий, митрополит Киевский († 1497 г.).

До присоединения к польской короне в 1340 году и Червонная Русь, сохраняя самостоятельность, имела возможность свободно общаться с Византией и западными странами. Однако после смерти последнего правящего там представителя дома Рюриковичей польский король Казимир Великий фактически оккупировал эти земли, правда, придав оккупации форму династической унии. Казимир оставил Галицкой земле полное самоуправление, удержал в ней все прежние законы и учреждения, выработанный веками общественный строй и полную свободу исповедания по обряду Восточной Церкви (Беднов 2002: 15). Однако на деле началась активная колонизация Галицкой Руси со стороны поляков. Основным средством колонизации и полонизации края Казимир считал распространение здесь католицизма; по инициативе Казимира в Галиции создаются католические епископские кафедры (правда, из-за отсутствия католической паствы в этих областях епископы не сразу стали здесь жить). Позже в Галицкую Русь вызываются братья-францисканцы для миссионерской деятельности среди «схизматиков», как теперь начинают называть здесь православных, которыми являлось всё славянское население. В результате целенаправленной колонизации захваченных земель польско-католический элемент к началу XV века занимает в Галицкой Руси господствующее положение. Православие превращается здесь в конфессию в лучшем случае терпимую, но чаще откровенно теснимую. Постепенно эта часть Руси утрачивает свою культурную и историческую идентичность, перетягивается в сферу влияния западноевропейской католической культуры, под воздействием которой здесь формируются особая внутренняя организация, обычаи, язык и т.д., так что «эта Русь... значительно отличалась от других русских земель» (Беднов 2002: 17).

Конфессиональная ситуация резко меняется и на западнорусских землях ВКЛ. По условиям Кревской унии, все литовцы-язычники должны были принять католичество, им запрещалось вступать в браки с православными, «пока наперёд русин или русинка не признает покорности Римской Церкви». В 1387 году в Вильно была учреждена Римско-католическая кафедра, пользовавшаяся покровительством великих князей литовских. Её юрисдикция распространялась не только на земли

Литвы, но и на Западную Русь. Кревская уния сразу же превратила вновь крестившихся в привилегированную часть общества. Система привилегий, с помощью которых распространялась новая конфессия, привела государство к расколу населения по религиозному признаку, посеяла недоверие, вражду и религиозный фанатизм.

В 1413 году Ягайло совместно с Витовтом издал Городельский привилей, декларирующий, что только католики могут занимать в ВКЛ высшие государственные должности, пользоваться имущественными льготами и иметь личные родовые гербы (Из постановления... 1997: 68–71). В документах, сохранившихся от времени Ягайло и Витовта, христианами назывались только католики, православные храмы зачастую именовались синагогами. Витовт запретил строительство новых и ремонт старых православных храмов на государственных землях. Однако, по-видимому, этот запрет действовал лишь на территории «Литвы» (к западу от р. Березины) и в столице Великого княжества Литовского.

Витовтом была предпринята и попытка создания национально-государственной церкви. В 1415 году Великий князь Литовский собрал в Новогрудке православных епископов, управляющих епархиями на подвластных ему территориях, и потребовал от них избрать независимого от Москвы митрополита. Владыки «возвели» в Киевские митрополиты архимандрита Григория Цамблака, болгарина по национальности, который был лишён сана Константинопольским патриархом. В планы Витовта и Григория входило максимальное расширение пределов западнорусской митрополии (с центром в Киеве) вплоть до объединения под её властью всех русских земель. В этом же году Григорий по требованию Витовта посетил Констанцкий собор, где обсуждалась возможность унии между Православной и Католической церквями. И только угроза разделения княжества на две части по религиозному признаку и образования на землях нынешней Белоруссии и Украины самостоятельного «Русского государства» с опорой на православную часть населения заставила Великих князей Литовских уравнивать в той или иной степени православное население с католическим. Частичное уравнивание в правах православных и католиков было оформлено привилеями 1432 и 1434 годов. Лишь одно очень важное положение Городельского привилея — право занимать высшие государственные должности — не было распространено на православных.

Политика унии на западнорусских землях

Хотя Великие князья Литовские избегали насильственного обращения православных в латинство, подчинение Православной Церкви папскому престолу, отчётливо проявившееся в политике властей ВКЛ, неизбежно вело к возникновению идеи унии двух конфессий. Однако осуществить эту идею на практике без достижения западнорусской церковью самостоятельности было невозможно. Вывести Православную Церковь из юрисдикции Московской митрополии удалось только после Ферраро-Флорентийского собора (1439 г.), решения которого были признаны королём Польским и Великим князем Литовским Казимиром (1447–1492 гг.). В 1458 году, в результате нового ухудшения отношений с Москвой, Казимир лишил митрополита Русской Православной Церкви права управления западнорусскими епархиями и принял на его место присланного из Рима униатского митрополита Григория Болгарина, ученика митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию от лица Русской Православной Церкви. В состав новой митрополии вошли все православные епархии ВКЛ, в том числе и располагавшиеся на территории нынешней Белоруссии: Полоцкая, Смоленская и Туровская. Признанный королём Польским и Великим князем Литовским Казимиром IV новый митрополит был признан и епископами литовских епархий, одними добровольно, другими в силу принуждения. Исключение представлял епископ Брянский и Черниговский.

Для успокоения паствы, которая не хотела принимать униатского митрополита, Григорий перешёл в Православие и грамотой Константинопольского Патриарха Дионисия от 14 февраля 1467 года был признан единственно законным Киевским митрополитом. Всем восточнославянским епархиям предлагалось подчиниться его власти. Этим назначением Константинополь надеялся объединить Русскую Церковь под управлением Григория. Ответом московского правительства был запрет на въезд в Россию митрополиту Григорию или каким-либо представителям Константинопольского Патриархата, согласившимся на унию. Так с поставлением Киевским митрополитом Григория Болгарина произошло разделение Русской Церкви на две митрополии: Московскую (кафедра в Москве) и Киевскую (Западнорусскую), официально называемую «Киевская, Галичская и всея Руси». Кафедра митрополита Киевского первоначально находилась в Новогрудке (из-за полного разрушения Киева), затем была перенесена в Вильно. Кафедральным

храмом новой митрополии была избрана древнейшая церковь св. Бориса и Глеба. Но главной титулярной резиденцией митрополитов киевских оставалась Киево-Печерская лавра. Скончался митрополит Григорий в Новогрудке в 1472 или 1473 году.

В 1475 году на киевскую митрополию Казимиром IV, после формального избрания, был утверждён смоленский епископ Мисаил (Пеструч). Есть основания предполагать, что утверждение состоялась не без вмешательства Рима. Став наречённым митрополитом, Мисаил при участии двух архимандритов — Киево-Печерского Иоанна и Виленского Свято-Троицкого Макария — начал переговоры с Римом. Просьба о принятии в унию православных ВКЛ была изложена папе Сиксту IV в пространной «эпистолии» от 14 марта 1476 года. Послание содержало жалобу на католиков за притеснения православных и просьбу о восстановлении мира на территории ВКЛ⁶. Вероятность введения унии косвенно подтверждается отсутствием благословения Константинополя на поставление митрополита Мисаила и попыткой ещё при его жизни произвести в митрополиты «на Киев и всю Русь» монаха Спиридона (Сатану). Готовность народа и духовенства принять представителя Константинополя, а не государственной власти (возможно, из-за согласия Мисаила на унию), заставило Казимира считаться с фактом народно-православной воли при избрании митрополита. С огромным трудом королю удалось отказаться от митрополита, предлагаемого Константинополем. Однако именно с этого времени в Киевской митрополии утверждается принцип выбора митрополитов поместным Собором духовенства и мирян с их последующим хиротонисанием патриаршим экзархом. Первым митрополитом, избранным после кончины Мисаила (1480 г.), стал епископ Полоцкий Симеон (1481–1488 гг.). С него и следует непрерывный ряд киевских православных митрополитов, отдельных от московских.

Несмотря на энергичные попытки вмешательства во внутреннюю жизнь Западнорусской Церкви со стороны Римской курии, 52-летнее правление Казимира IV было вполне благоприятным для её существования. Так, он пожаловал грамоту православному митрополиту и всем православным епископам о неприкосновенности их святительских прав и суда, а также церковного имущества. Городельский привилей 1413 года, запрещавший допускать на высшие должности православных, хотя и не был

⁶ Именно это послание дало возможность униатскому митрополиту Ипатию Потюю (1599–1613 гг.) утверждать, что церковная уния в ВКЛ существовала и до 1596 г.

отменен, но практически не соблюдался. При Казимире развернулось широкое храмовое и монастырское строительство. Фондатором многих из них являлся лично король. При нём были возведены: в 1443 году — слущкий Троицкий монастырь и Зельжинская церковь; в 1447 году — Георгиевские церкви в Могилеве и Орше; Спасская церковь в Могилеве, в 1454 году — Черейский монастырь (совр. Сеннинский р-н Могилевской обл.), в 1463 году — Троицкая соборная церковь в Мстиславле.

В 1465 году князьями Кобринскими были построены Петропавловская церковь в Кобрине, Ильинская в Городце, (совр. Кобринский р-н Гродненской обл.), Христорождественская церковь в Добучине (совр. г. Пружаны Гродненской обл.). В 1480 году в Жировичах (совр. Слонимский р-н Брестской обл.) на месте явления чудотворной иконы Божией Матери (1470 г.) А. Солтан основал монастырь. Около 1483 года были построены Воскресенская церковь и Ильинский монастырь в Слуцке; в 1485 году в Бресте возведены церкви: Козьмодемьянская, Сергия и Вакха; в 1492 году построены церкви Никольская в Переходовичах (совр. Минская обл.), Жизненская (совр. Ошмянский р-н), Св. Креста (Гродно) и в с. Николаеве (Дисненский р-н), Михайловская в Гайне (совр. Борисовский р-н); шло сооружение строит-ся мужского Вознесенского монастыря в Минске.

В то же время правление Казимира ознаменовалось дальнейшим наступлением на Православную Церковь со стороны Римской курии. В 1468 году приехавшие из Кракова бернардинцы основали в Вильно монастырь и развернули на территории ВКЛ широкую миссионерскую деятельность. В 1480 году последовал указ о запрещении строительства новых и ремонта старых православных церквей на государственных землях. Наступление на Православие вызывало недовольство православного населения и явилось одной из главных причин заговора против Казимира как великого князя литовского в пользу православного гедиминовича Михаила Олельковича (1480 г.). С жалобами на притеснения со стороны католиков православная знать ВКЛ обратилась к Константинопольскому Патриарху.

Положение православных резко изменилось к худшему при преемнике Казимира — Александре Казимировиче, великом князе литовском в 1492–1501 годах, короле Польши в 1501–1506 годах. Получая великокняжеский престол, Александр подтвердил все права своих подданных без различия веры. Воспитанный в приверженности

к католицизму, он много сделал для его укрепления. В 1498 г. в Полоцке, где ранее не существовало католических приходов, был основан бернардинский монастырь, в 1501 г. в Вильно обосновались доминиканцы. Прозелитизм Рима становился всё настойчивее и дошёл до того, что папа Александр VI освободил великого князя Александра от необходимости выполнять обязательства данные тестю, великому князю московскому Ивану III «никогда не принуждать к римской вере» жену Елену. В случае отказа Елены принять католичество папа уполномочил Виленского епископа Войцеха Табора не только разлучить её с мужем, удалив из дома, но и конфисковать её имущество. Великий князь литовский отказался построить в Вильно православный храм для великой княгини. В 1501 году католический виленский епископ получил от папы право «светского меча», т. е. права преследовать и даже казнить противников католичества. Именно в это время было установлено взимание с православных жителей ВКЛ десятины на содержание католических приходов: к 1500 году их было на территории нынешней Белоруссии 90, а к 1550 году стало 152.

При Александре Казимировиче была предпринята новая попытка введения церковной унии. После убийства крымскими татарами митрополита Макария на Киевскую митрополию был назначен Смоленский епископ Иосиф (Болгаринovich; 1498–1501 гг.), приверженец унии. Он обратился к Папе Александру VI с письмом, в котором признал Флорентийскую унию, католический Символ веры и передал себя и Церковь под покровительство папы. Иосиф просил, чтобы униатам, признавшим власть папы, разрешили строить храмы и сохранить восточные обряды, чтобы католики не требовали их повторного крещения. Папа заявил, что не может признать Иосифа, поставленного Константинопольским патриархатом, настоящим митрополитом и потребовал приезда в Рим для повторного возведения в сан.

Гонения на Православие во время правления Александра Казимировича вызвали серьёзные политические осложнения в ВКЛ, важнейшим из которых стал отъезд русских православных князей на службу к великому князю московскому, что в итоге привело к войне («Странная война») между двумя государствами в 1500–1503 годах. И только неудача в военных действиях и внешнеполитические осложнения ВКЛ заставили Александра оградить права Западнорусской Церкви рядом грамот, основной из которых была грамота (1499 г.), подтверждавшая «Свиток

Ярослава» и гарантировавшая неприкосновенность святительского суда, ограждавшая имущественные права православного духовенства Киевской митрополии (Акты Западной России 1846: 189). Православные получили возможность свободно исповедовать свою веру, ставить храмы и монастыри. При короле Александре Казимировиче на западно-русских землях были построены монастыри и церкви: в 1496 году — Пустынский Богородичный монастырь в Мстиславле, в 1497 году — Спасский монастырь в Кобрине, в 1498 году — монастырь в Городке, в 1500 году перенесённый в Супрасль, в 1499 году — Вознесенский монастырь в Минске, около 1500 года — Рождество-Богородицкая церковь в Минском замке и Троицкий монастырь в Дрогичине, в 1502 году — Ильинская церковь в селе Саковщина (совр. Ошмянский р-н), Никитская церковь в Здитове и Збирововская церковь (совр. Гродненская обл.), в 1507 году — соборная Дмитриевская церковь в Пинске и церковь Рождество-Богородицы в Вильно и Бельске. При Александре в Вильно вместе с великой княжной Еленой Ивановной прибыл образ Богоматери — Одигитрия. Этот чудотворный образ, писанный по преданию св. Лукою, составлял семейную святыню греческих императоров. В Москву его привезла София Палеолог, жена Ивана III.

Миролюбивая по отношению к Православию политика продолжалась при королях Сигизмунде I Старом (1506–1548 гг.) и Сигизмунде II Августе (1548–1572 гг.). В 1563 году вся шляхта «веры христианской» была уравнена в правах, отмена Городельского привилея ещё раз была подтверждена в 1568 году. Основные положения о веротерпимости в отношении православных зафиксированы в «Акте Варшавской конфедерации» 1573 года и в 1588 году были внесены в «Статут Великого княжества Литовского».

Именно в это благоприятное для Православия время развёртывается большая духовно-просветительская работа таких известных поборников Православия как Георгий (Франциск) Скорина, Иосиф и Иван Солтаны, А. и Г. Ходкевичи, кн. Острожские⁷, Олельковичи и др.⁸ Ведётся

⁷ В 1575 году произошла встреча Ивана Фёдорова с князем Константином Константиновичем Острожским. Создавая школу в Остроге, просветитель собирал вокруг себя «общество учёных людей», способных противостоять «экспансии инославного просвещения». Однако основной целью кружка единомышленников было издание Библии на церковно-славянском языке. Этим князь Острожский, наметил стратегию борьбы за восстановление позиций, утраченных православными в XV–XVI веках.

⁸ XVI век в истории Белой Руси отмечен подъёмом традиций православной культуры, оживлением литературной деятельности, расцветом книгописания, формированием кижных собраний в монастырских библиотеках (Жировицы, Супрасль и др.). Об этом см.: (Кривонос, Теплова, Шейкин и др. 2002: 475–478).

широкое строительство православных церквей и монастырей. Их число при Сигизмунде I превысило 80. При Сигизмунде II Августе на территории ВКЛ упоминается уже свыше 95 православных монастырей и храмов. В самом Вильно Сигизмунд I разрешил гетману ВКЛ К.И. Острожскому перестроить Пречистенский собор, в котором в 1513 году была погребена королева Елена Ивановна, пожертвовавшая сюда образ Одигитрии, а также Свято Троицкую и Свято Николаевскую церкви (1514 г.). Из православных монастырей при Сигизмунде I были основаны: в 1510 году — Сурдегский с чудотворной иконой Богородицы; около 1513 года — Браславский женский монастырь (королевой Еленой Ивановной); около 1520 года и позднее — полоцкий Пятницкий, Тороканский (совр. Гродненская обл.); пинский Варваринский женский монастырь и др. В XVI веке построены церкви: Михайловская в Сынковичах, Рождества Богородицы в Мурованке (совр. Гродненская обл.) и Благовещенский собор Супрасльского монастыря. До неузнаваемости перестраиваются Полоцкая София, Витебская Благовещенская и Гродненские церкви. В архитектурном оформлении православных храмов XVI века соединились традиции современной греческой архитектуры с чертами романского и готического стилей. Главными особенностями каменных храмов Беларуси этого времени является обретение ими черт оборонных сооружений (Лаврецкий 1995: 9, 30–38). Православные храмы строятся не только в «русских» регионах ВКЛ, но и на территории Литвы и Жемайтии (Сурдеги, Кейданы).

В 1509 году в «богоспасаемом городе» Вильно состоялся Собор Киевской митрополии, под председательством митрополита Иосифа II (Солтана) (1507–1522 гг.). На соборе присутствовали 7 архиереев, 7 архимандритов, 6 игуменов, 7 лиц белого духовенства. В определениях Собора говорилось о подборе кандидатов на поставление в священнический сан, об укреплении дисциплины среди духовенства, ограждении Церкви от злоупотреблений светских патронов. Решения Виленского Собора были подтверждены королевской грамотой на Брестском сейме 1511 года. В 1514 году митрополит Иосиф созвал новый Собор в Вильно, на котором было определено 23 октября праздновать память Елисея Лавришского. Несомненными ревнителями Православия были и последователи Иосифа (Солтана): Иосиф III (1522–1534 гг.), Макарий II (1534–1555 гг.) и Иона III (1568–1577 гг.), при которых митрополичья кафедра имела значительные земельные владения на западнорусских землях.

Однако уже в это относительно благоприятное для Православной Церкви время в политике последних Ягеллонов вызывает тактика, которая постепенно привела западнорусскую церковную иерархию к кризису. Это было вызвано особенностью положения Православной Церкви и православного общества на территории новообразованной митрополии в целом. Православная Церковь ВКЛ была подчинена власти короля Польского и Великого князя Литовского. Католик по вероисповеданию, он имел над церковными учреждениями право «опеки», которое зачастую передавалось в руки феодалов, в том числе католиков и даже католических прелатов. В руках этих «правителей» находилось назначение епископов, настоятелей монастырей. Зачастую они отдавали кафедры и обители людям, оказавшим им важные услуги, не заботясь о том, насколько те подготовлены к исполнению пастырских обязанностей. Опираясь на могущество своих светских покровителей, епископы часто выходили из повиновения митрополиту. Они не являлись на соборы, а священники без воли своих епископов переходили в чужие епархии и там утверждались патронами церквей. Все эти нарушения вносили расстройство во внутреннюю жизнь Православной Церкви, подтачивали её нравственные устои и делали бессильной в противостоянии новому наступлению католичества. В то же время в границах Литовской митрополии правящие круги содействовали созданию Римско-католических епископств. Католическое духовенство наделялось такими правами и привилегиями, которых православное духовенство не имело. Поддерживалась и деятельность костёла, направленная на обращение православных в католицизм. С этой целью поощрялось основание на древнерусских землях католических монастырей, главной задачей которых был прозелитизм. В то же время деятельность Православной Церкви постепенно ограничивалась. В неполноправное положение было поставлено и православное население. Православная знать в ВКЛ (до 1563 года) не имела права занимать высшие государственные должности; дискриминация городского населения выражалась в том, что 2/3 цеховых доходов шли на нужды членов-католиков. Православные крестьяне должны были платить десятину на содержание католических священников. Православных мещан не допускали в состав городских магистратов, не принимали в цехи.

В середине XVI века быстрому развитию римо-католицизма в западнорусских землях была поставлена преграда реформационным

движением (антитринитаризм, русская ересь). Его социальную базу составляли магнаты, шляхта и часть зажиточных горожан. Большим успехом у магнатории пользовался кальвинизм, распространение которого было связано с именем виленского воеводы князя Н. Радзивилла Черного. Обладая большими материальными возможностями, он открывал общины («зборы») не только в своих владениях, но и в крупнейших городах ВКЛ. Увлечение кальвинизмом приняло столь широкие размеры, что в Новогрудском воеводстве из 600 шляхетских православных и римо-католических фамилий, только 16 осталось в Православии; остальные приняли кальвинизм. При содействии местной кальвинистской шляхты только в Новогрудской епархии кальвинистский пастор Сымон Будный разорил 650 православных церквей (Карташев 1997: 584). Взамен уничтоженных ставились кальвинистские храмы. Для распространения кальвинизма и издания книг кн. Радзивилл создал типографии в Несвиже и Бресте. В 1563 году на его средства была напечатана кальвинистская Библия на польском языке. В Несвижской типографии в 1562 году С. Будный издал на старобелорусском языке кальвинистский Катехизис и книгу «Об оправдании грешного человека перед Богом». Почти во всех крупных городах Беларуси действовали кальвинистские школы, в которых обучались дети шляхты. Организационно кальвинисты входили в состав самостоятельной Литовской провинции, которая делилась на 6 дистриктов (округов): Брестский, Виленский, Жмудский, Завилейский, Новогрудский, Русский. Центром провинции был Вильно. Вместе с кальвинизмом в Беларуси появилось социнианство. Покровителем антитринитариев был потомок могущественного рода Ян Кишка. При его покровительстве были созданы типографии в Лозках (Ошмянский повет), в Любче и Заславле. Наибольшего успеха антитринитарии добились в Новогрудском и Брестском воеводствах.

На территории современной Белоруссии вели свою проповедническую деятельность изгнанные из России Феодосий Косой и поп Фома. Их общины существовали в Полоцке и Витебске. В Беларуси получила распространение и деятельность старца Артемия. В 1563 году протестанты, наряду с православными, были уравнены в правах с католиками.

Однако широкое распространение реформационных учений, восстановление прав православных вызывали опасение как светских, так и католических верхов только что созданной на Люблинском сейме (1569 г.) Речи Посполитой за католицизм как государственную

конфессию. Именно этим объясняется приглашение в Польшу (1564 г.), а затем в Вильно (1569 г.) иезуитов, которые и повели решительную борьбу с инославием. Благодаря королевскому покровительству (особую силу они получили при Стефане Батории), иезуиты утвердились в крупнейших городах Речи Посполитой. Территории современной Белоруссии застраивались костёлами и монастырями, в городах открывались иезуитские коллегии. Большой успех деятельности иезуитов имела среди магнатов и шляхты, которые охотно отдавали своих детей в иезуитские школы, откуда выходили ревностные приверженцы католицизма и убеждённые противники Православия и протестантизма.

Одержав победу над протестантами, иезуиты все свои силы направили на борьбу со «схизмой», действуя главным образом с помощью печати, проповеди и образования. С целью активизации пропаганды учения католической церкви иезуиты издают апологетические и полемические сочинения. Так, в 1577 году Пётр Скарга напечатал в Вильно книгу «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом отступлении от сего единства, держащимся греков». Её главная мысль сводится к тому, что, вывести Православную Церковь из состояния кризиса, в котором она оказалась, может только уния с католицизмом. Необходимость подчинения он обосновывает и тем, что греческие патриархи, находясь под турецким игом, бессильны оказать Православной Церкви какую-нибудь помощь. Кроме пропаганды идеи церковной унии, Пётр Скарга, исполняя при короле Сигизмунде III обязанности придворного проповедника, имел возможность формировать правительственную политику в отношении Православной Церкви и её иерархов.

Другим активным идеологом церковной унии был папский нунций, иезуит Антоний Поссевин. При его энергичной поддержке в Вильно были открыты иезуитская академия (1579 г.), и папская семинария, превратившиеся в мощный центр формирования католической идеологии. Двадцатилетняя деятельность иезуитов принесла свои плоды. Психологическая борьба против Православия, возведённая в ранг государственной политики, политическая дискриминация верующих, постоянное вмешательство польских королей во внутреннюю жизнь Православной Церкви привели церковную иерархию Киевской митрополии к деморализации и несоответствию с каноническим уставом.

В среде духовенства было немало лиц, не имевших права занимать высшие церковные должности.

Положение усугублялось и тем, что по мере распространения католицизма и реформации многие магнаты и шляхта начали оставлять Православие, и, сменив веру, стали присваивать себе имущество находившихся под их опекой церковных учреждений. В этих условиях Православная Церковь потеряла существенную часть своей паствы из среды феодалов и городского населения. Во второй половине XVI века перестали существовать многие православные обители, а другие пришли в упадок. Трудности, которые переживала Православная Церковь, усугублялись и тем, что епископские кафедры часто оказывались в руках светских людей, которые, используя финансовые трудности короля, покупали их за деньги. Подобные пастыри были не подготовлены к исполнению своих обязанностей, да и не хотели их исполнять, видя в своём высоком сане лишь источник обогащения. Примером могут служить митрополиты Киевские: Сильвестр Белькевич (1556–1567 гг.), Илья Куча (1576–1579 гг.), Онисифор Девоча (1579–1589 гг.).

Православная Церковь пыталась выйти из кризиса путём укрепления внутрицерковного порядка, усиления своих позиций в обществе, реформирования монашеской жизни. Однако непоследовательность в осуществлении реформ привели только к столкновению епископата и мирян, объединённых в православные братства. Наметилось явное сближение между противниками епископов и восточными патриархами. Антиохийский патриарх Иоаким, а затем Константинопольский Иеремия, посетившие в конце 80-х годов XVI века Великое княжество Литовское, не только сочувственно отнеслись к деятельности братств, но и расширили их права, предоставив им в ряде случаев надзор даже за высшими представителями Церкви — епископами (право ставропигии). Братское движение вызвало резкое противодействие со стороны западнорусских владык, зависимых от короля и смотревших на свой духовный сан как на источник доходов. Теперь они были вынуждены терпеть вмешательство и обличения со стороны «портных, седельников и кожемяков». Большое недовольство православных иерархов Киевской митрополии вызвал приезд патриарха Иеремии, который встал на сторону Львовского братства в споре его с владыкой Гедеоном Балабаном, пригрозив последнему проклятием, и смещением Киевского митрополита. Когда же по желанию короля на митрополию был возведён Михаил Рагоза, Иеремия,

подчёркивая своё нерасположение к нему, учредил в противовес митрополиту новую должность экзарха с широкими полномочиями по надзору за епископами. Однако назначение на эту должность епископа луцкого Кирилла Терлецкого, известного многими неблагоприятными поступками и не пользующегося авторитетом у мирян, было опрометчиво. Своекорыстные соображения побуждали западнорусских епископов искать выхода из того тяжёлого положения, в котором они оказались. И этот выход, освобождающий их от непрошеной опеки, они нашли в покровительстве высокого и щедрого папского престола. Уния для них стала спасительным выходом из-под контроля как патриарха, так и простого народа. Идея церковной унии находила поддержку и со стороны государственной власти, заинтересованной в религиозном единстве и разрыве связей между Киевской митрополией и другими частями православного мира. В таких условиях ряд иерархов Киевской митрополии видели выход для Церкви в заключении унии с Римом.

Обстоятельства заключения Брестской унии и борьба за Православие

Таким образом, в XIV–XVI веках на древнерусских землях ВКЛ, входящих в состав Киевской митрополии, наряду с геополитической кардинально меняется и конфессиональная ориентация, выполнявшая в эпоху средневековья цивилизационную, самоидентификационную и этногенетическую функции (Левшун 2009: 644–674). Эти земли постепенно включаются в ареал западноевропейской католической культуры. В этих условиях православным жителям Великого княжества литовского предстояло сохранять и отстаивать свою культурную идентичность в конфессиональной, бытовой, языковой и прочих сферах. И тем не менее, в новых условиях начавшихся гонений Православная вера по-прежнему способствовала распространению и сохранению в Великом княжестве Литовском основного эндоэтнонима «русин», «русский», «Русь», «русские люди». Неслучайно в подавляющем большинстве самых разнообразных источников того времени Православную Церковь Киевской митрополии называют «русской», а православное население «русским».

О подчинении Киевской митрополии Римскому папе было объявлено 9 октября 1596 года на Соборе в Бресте. Для того, чтобы понять смысл событий, происходящих в Бресте в октябре 1596 года, обратимся к ситуации, сложившейся в Киевской митрополии в 90-е годы XVI века, суть

которых состояла в том, что все до единого епископы, в том числе и митрополит Михаил Рогоза, вступили в тайные переговоры с католической церковью и правительством Речи Посполитой с целью перейти в юрисдикцию Рима. Фактически Православная церковь осталась без епископского возглавления.

Когда создавшаяся ситуация стала очевидной, начались народные волнения, ответом на которые стало послание князя Константина Острожского к православному народу от 24 июня 1595 года. В нём говорилось: «Я научен и убеждён благодатию Божией, что кроме единой истинной веры, насаждённой в Иерусалиме, нет другой веры истинной, но в нынешние времена, злохитрыми кознями вселукавого дьявола, сами главные участники нашей истинной веры, прельстившись славою света сего, и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами претворились в волков, и, отвергшись единой истинной веры святой восточной Церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожей своего лицемерия, как овчиною. Они тайно согласились между собой, окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и принудить с собою в погибель, как и сами сокровенные писания их объявляют.

Дело идёт не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным перед Богом и перед вами, и, узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях Церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою о Христе братию. И хочу вместе с вами стоять заодно против врагов нашего спасения. В самом деле, что может быть постыднее и незаконнее? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились между собою и, отвергшись пастырей своих, святейших Патриархов, из которых поставлены, осмеливаются властью, по своей воле, отторгнуть всех нас, православных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть в пагубу...» (Уния в документах 1997: 95–102).

Согласно этому документу, князь Константин Острожский от имени церковного народа, со ссылкой на святейших патриархов, отвергает епископов, объявляет их «врагами нашего спасения», и призывает весь православный народ объединиться и выступить против них, как и против

прочих врагов Православия. Произошло исключительно редкое в истории Церкви событие, когда мирянин противостоит целой группе иерархов, справедливо обличая их в неправославии.

По всей вероятности, в составлении этого воззвания принимали участие православные богословы Острожской школы, однако всю ответственность князь Острожский взял на себя. Встаёт вопрос: имел ли право князь поступать таким образом? С католической точки зрения протест князя Острожского по существу не имел никакого значения, поскольку вопросы веры должны решать иерархи, и судить действия епископов может только папа. Именно так понимал создавшуюся ситуацию король Сигизмунд III (Уния в документах 1997: 147).

Но, согласно православному учению о соборности, действия князя Константина являлись не только оправданными, но и необходимыми. Это был голос церковного самосознания. В то же время следует признать, что Церковь не может существовать без епископата. И что бы ни утверждал кн. Константин Острожский, чего бы не требовал народ — вопрос иерархии является решающим. Отсутствие православных епископов среди противников унии на самом деле означало бы победу католической политики и могло бы быть расценено как свидетельство утраты благодати в Православной Церкви Киевской митрополии.

Однако произошло событие, которое можно считать историческим чудом: два епископа — Гедеон Львовский и Михаил Перемышльский — вернулись в Церковь. Перед этим казалось, что Православная Церковь Киевской митрополии целиком лишилась своих епископов, в полном составе изъявивших согласие на заключение унии, и тем самым потеряла свою каноническую полноту. Но решительный протест мирян, возглавляемый кн. Острожским, против униатского выбора епископов показал, что Православие живо, и, следовательно, Православная Церковь не может уйти в небытие. Заслуга в том, что епископы, первыми подавшими идею церковной унии, решительно отказались от неё, перейдя на сторону Православия, принадлежит К.К. Острожскому: именно князь примирил епископа Гедеона Балабана с братством и инициировал переговоры с епископом Перемышльским Михаилом. В каноническом плане возвращение двух епископов в лоно Православной Церкви означало, что Церковь в Киевской митрополии сохранена во всей полноте. Даже если бы кн. Острожский ничего не успел сделать в своей жизни кроме этого дела, его заслуга перед Церковью была бы неоценимой. Окружное

послание кн. Острожского в итоге определило радикальное размежевание православных Речи Посполитой на сторонников и противников Брестской унии.

Хочу подчеркнуть особо, что ещё до Брестского собора на генеральном сейме в начале 1596 года православные депутаты Киевского, Волынского, Минского, Новогрудского, Полоцкого и других воеводств просили короля, чтобы епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий были лишены духовного сана, так как они без ведома православного населения и своих духовных начальников — патриархов самовольно отдались под власть папы. Кроме того, депутаты требовали, чтобы король, в силу решений Варшавской конфедерации 28 января 1573 года, «благоволил дать» православным епископов православной веры, а не вероотступников. И только в последний день работы сейма, разуверившись в возможности дожидаться от короля выполнения своих требований, православные депутаты во главе с кн. К.К. Острожским торжественно сообщили королю и всему сейму, что «они и весь народ Русский не будут признавать Кирилла Терлецкого и Ипатия Потей своими епископами, не будут признавать их власти в своих имениях и не будут подчиняться их духовной юрисдикции» (Макарий (Булгаков) 1996: 348).

В ответ на это король демонстративно провозгласил себя защитником епископов, подписавших соглашения в Риме, и высказал намерение «привести в унию всех своих православных подданных». Для выполнения своего намерения король просил митрополита Михаила Рогозу назначить дату церковного Собора в Бресте (Уния в документах 1997: 133).

В подтверждение своего решения Сигизмунд III 29 мая 1596 года издал универсал «ко всем своим подданным греческого закона» о созыве Собора и объявил церковную унию фактом свершившимся. Именно на основании королевского универсала митрополит 21 августа подписал окружную грамоту о созыве Собора, а самый Собор назначил на 6 октября (Уния в документах 1997: 135).

Несмотря на то, что окончательно вопрос об унии должен был решиться только на Соборе, епископы Потей и Терлецкий уже летом 1596 года приступили к её реализации. Полагая в основу своего вхождения в состав Римско-католической церковной иерархии не вероучительное единство, а лишь сохранение внешнего богослужебного обряда и приобретение православными епископами общественных привилегий, которыми обладали в Речи Посполитой римско-католические

иерархи, два западнорусских епископа выдвигали прагматическую необходимость обрести внешнее сходство христианского мира под эгидой римского первосвященника. Способы, которые владыки использовали для привлечения сторонников, хорошо известны и описаны историками церкви в классической литературе (Макарий (Булгаков) 1996: 351–352).

Православное шляхетство и магнateria, отправляя депутатов в Брест, давали им инструкции и указы, прямо противоположные. В основном, они сводились к трём пунктам: 1) епископы, самовольно возложившие на себя власть патриархов и подчинившиеся чужой папской власти, должны были быть лишены духовного сана; 2) Брестский собор, созванный митрополитом Михаилом Рагозою, является собором поместным, а потому не имел полномочий для принятия решения о соединении Православной Церкви с римским костёлом, тем более, что догматические вопросы обходились молчанием, или упоминались как уже разрешённые. Кроме того, статус Православной Церкви в Речи Посполитой был подтверждён законами, привилегиями, конфедерациями и королевскими присягами, которые никто не отменял; 3) не принимать нового (католического) календаря, но заботиться о сохранении старого, согласно указам короля Стефана Батория.

Таким образом, ещё до открытия Собора обозначились фундаментальные расхождения между епископами, отпавшими в унию, и православным миром, представленным его депутатами, между католичеством и Православием, расхождение, которое имело экклезиологическое значение и которое не могло не проявиться на заседаниях Собора (Салтыков 1997).

Весьма показательной особенностью Брестского униатского Собора было стремление принимать во внимание лишь позицию епископата Киевской митрополии, когда иерархическое начало, восходящее к «сверх-епископской» власти папы римского, постепенно начинает подменять собой начало соборности. Однако поскольку при объявлении унии соборной процедуры избежать было невозможно, то Собор, открывшийся 6 октября, предназначен был лишь озвучить уже состоявшееся в тайне решение епископов для всего православного населения Речи Посполитой. Таким образом, Собор, проходивший под омофором митрополита Михаила Рогозы, правильнее назвать Синодом иерархических чинов Киевской митрополии, которые совместно с представителями

католической иерархии и светских властей собрались для объявления церковной унии.

Поведение отпавших в унию епископов и митрополита заставило большую часть православных делегатов врасплох. Многие просто не могли поверить в то, что на этот раз решили обойтись без них. Два дня было потрачено на безрезультатные переговоры. Председательствующий на Соборе патриарший экзарх Никифор, появление которого могло состояться только благодаря усилиям К.К. Острожского, исполнил в точности требования канонического права, трижды приглашая митрополита и епископов явиться и дать ответ, и все три раза послам экзарха отказали. Тем самым с самого начала Собору православных был придан строго канонический характер. Именно Никифор предложил, чтобы упорядочить ход Собора, разделить прибывших на два «кола» — духовенство и мирян. Во главе светского, совещательного церковно-народного Собора, «кола мирян», были воевода Киевский, сенатор кн. К.К. Острожский с сыном Александром, воеводой Волынским и несколько вельмож, главным образом, — волынская знать. Кроме того, было много мирян, представляющих области и районы Вильно, Киева, Галиции, Волыни, Браслава, Перемышля и Пинска; городов — Вильно, Львова, Пинска, Бельска, Бреста, Каменец-Подольского, Киева, Владимира-Волынского, Минска, Слуцка и ряд других; и, наконец, представителей от православных братств Вильно и Львова. Таким образом, православный Собор стал собранием клира и мирян, объединённых сознанием того, что они образуют единое церковное тело. В этом и проявился соборный дух Православия. При этом он руководствовался обычаем, издавна существовавшим в Константинополе. Экзарх Никифор выступил перед собравшимися с речью, в которой обрисовал тяжёлое положение православных земель, приведшее в итоге к отпадению в унию православных епископов. Он предложил обсудить на Соборе несколько вопросов: о перешедших в унию иерархах; о принятой ими унии и её каноничности, о восстановлении порядка в Православной Церкви. Все эти вопросы находились в компетенции Собора. Экзарх имел все полномочия вместе с Собором низложить митрополита и епископов, но поставить нового митрополита не мог. Чего и не было сделано.

Королевская власть была встревожена таким поворотом событий. К кн. Острожскому были направлены послы с требованием снять вооружённую охрану и выдать Никифора, т. к. он якобы являлся турецким

шпионом. На эти угрозы К.К. Осторожский ответил отказом, а на предложение принять унию, сказал, что сделает это только после созыва Вселенского Собора и согласия всех патриархов православного Востока на соединение с Римом. Убедившись в бесперспективности переговоров с православными, униатские иерархи 10 октября провозгласили соединение с Римской церковью и отлучение всех, кто противился этому.

В этот же день Собор православных слушал дело о принявших унию православных иерархах. Признав, что они изменили православию, самовольно, без участия патриарха и Вселенского Собора, попытались ввести унию на землях Речи Посполитой и пренебрегли троекратным вызовом на суд, Собор постановил лишить их сана и предать отлучению от Православной Церкви. Вслед за этим было составлено обращение к королю с просьбой лишить низверженных епископов их мест и открыть вакансии для новых кандидатов. После этого Собор поклялся твёрдо стоять в православной вере и сохранять верность православным патриархам:

«Мы даём обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами... и стоять твёрдо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно охраняя ограждённое законами общее спокойствие и сопротивление всем притеснениям, насилиям и новизнам, которые бы стали препятствовать целостности и свободе нашего богослужения» (Архив Юго-Западной России 1859: 526–553).

Все понимали важность принятых решений. Презрение к отщепенцам со стороны православных нашло выражение в «Листах», вкратце оповещавших о решении Собора и, вероятно, развезённых в разные края членами этого Собора. В частности, в них сообщалось, что «митрополит Рагоза и владыки полоцкий Германко, володимерский Потейко, луцкий Кривилко, холмский Збиражко, пинский Ионище» как сначала тайком и скрытно бегали к Римскому папе, отступив от святого Православия греческого, так и теперь явно приложились (к папе). «За что от латынян в замке (Берестейском?) были чествованы и как медведи музыкой скорморошескою и тарарушками утешаны, или, вернее, осмеяны». «Они только сами одни отдались волку; а стадо, хвала Богу, в православии давнем вкупе осталось» (Иловайский 1996: 495–496). Последние слова выражали, конечно, надежды православных,

а не действительность. Но, тем не менее, униатам не удалось увести за собой население православных земель Речи Посполитой. Униатская церковь, едва появившись на свет, оказалась в изоляции, а униатские иерархи — отлучёнными в глазах православных.

Большую роль в этих событиях сыграли экзарх Никифор и кн. Константин Острожский. Они фактически предопределили ход и решения Собора православных. Экзарх Никифор, с его громадным опытом и умом, сумел организовать православных и провести заседания православной стороны так, что решения православного Собора получили законную силу, а униаты были осуждены. Он вывел Собор из растерянности и придал ему канонический характер. Кн. К.К. Острожский, возглавив «коло мирян», действовал целиком в духе православной экклезиологии как свидетель того, что совершается в Церкви. Именно отсутствие рецепции, согласия мирян на то, что определили епископы-униаты, свидетельствовало о том, что иерархи действовали отдельно от народа церковного, нарушая принцип соборности. Таким образом, в деле организации унии самым радикальным образом столкнулись две экклезиологии — католическая и православная. С католической точки зрения все в Церкви решают исключительно Папа и епископы, которым он как бы делегирует часть своих полномочий «наместника Христа». Поэтому, с позиций католицизма, решение епископата перейти в унию означает, что их паства должна принять это как должное и следовать за своими пастырями (Пері Вітторіо 1995: 7–24). Но такая точка зрения неприемлема для православного понимания Церкви. Известно множество примеров того, как соборные деяния не принимались народом церковным, и в результате тот или иной собор входил в историю Церкви как лжесобор, как это было, например, с монофизитским «Разбойничьим» собором в Эфесе или иконоборческим «Безглавым» собором в Константинополе.

На Брестском соборе произошло и ещё одно малозаметное, но очень важное событие, которое, думается, следует также связывать с позицией экзарха Никифора и князя Острожского. Стефана Зизания и двух священников Виленского братства, отлучённых от Церкви Михаилом Рагозой «за ересь», объявили невиновными: «Так как сам митрополит в послушании у церкви восточной не хотел быть, то и клятву свою на этих священников положил ни за что другое, как только за книжку, сочинённую на костёл римский» (Соловьёв 1961: 416). Это решение позволило яркому проповеднику продолжить свою деятельность дальше. В то же время

происшедшее свидетельствовало о примирении церковной иерархии с братствами.

Именно усилия Никифора и Острожского практически нейтрализовали успех унии, несмотря на всю мощь соединённых усилий папы и короля. Благодаря стойкости православных, а также последовательным действиям председателя собора экзарха архидиакона св. Никифора, а также бескомпромиссной позиции Константина Острожского Православный Собор прошёл в строгом соответствии с канонами Православной Церкви.

Естественно, что король и католическая церковь были раздражены деятельностью экзарха и его покровителя. Сразу после собора начались гонения на православных. Сигизмунд III не замедлил издать указ о том, чтобы в кратчайшие сроки страну покинули все греки, не являющиеся гражданами Речи Посполитой. Вскоре её оставили александрийский экзарх Кирилл Лукарис, белградский митрополит Лука и афонские архимандриты. Никифор продолжал вести себя независимо и бесстрашно, пребывая в землях кн. К. Острожского и ведя занятия в Острожской академии. Однако ему было ясно, что власти не оставят его в покое. Как известно Никифор был обвинён в шпионаже в пользу Турции. И хотя суд закончился полным провалом обвинителей, однако Никифор не был выпущен на свободу. Без всякого приговора он был отправлен в Мариенбургский замок, из которого так и не вышел. Думается, что, отдавая экзарха Константинопольского патриарха Никифора на суд, князь Острожский не верил в расправу над своим соратником. В деле Никифора кн. Острожский видел выпады и против себя. Хорошо известны слова Острожского, произнесённые перед королём: «<...> На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть пред глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вам отца Никифора, а крови его на страшном суде Божиим искать буду; прошу Бога, чтоб уже больше не видать мне такого ломанья прав» (Соловьёв 1961: 423). И после этих страшных событий К.К. Острожский не изменил своего поведения. Когда архимандрит Киево-Печерской Лавры Никифор Тур отказался содержать униатского митрополита Рагозу за счёт монастыря, как было решено ранее в Бресте, король потребовал от Киевского воеводы устранить Тура от архимандрии, но Острожский, наоборот, морально и материально поддержал последнего. Известно, что 4 августа 1597 года

Александрийский патриарх Мелетий Пигас назначил Львовского епископа Гедеона Балабана экзархом Киевской митрополии. Балабан окормлял свою митрополию только под охраной отряда Острожского и рукополагал новых кандидатов на пустовавшие приходы. С именем К. Острожского связано и ещё чрезвычайно важное для Православной Церкви событие. Князь не допустил перехода Софийского собора и Выдубицкого монастыря в руки митрополита Потея.

Решения прошедшего собора были хорошо известны православному населению Речи Посполитой. Незаконными и противоправными в понимании его участников были поступки короля и епископов, подписавших унию. Именно этим объясняется стойкое стояние православных в вере и пренебрежение к перешедшему в унию духовенству.

18/31 января 2002 года Святой Синод Белорусской Православной Церкви, рассмотрев житие, труды, подвиги и церковное служение Никифора Кантакузена, определил причислить его к лику местночтимых святых Белорусской Православной Церкви, отмечая при этом христианские его добродетели: праведность жизни и пламенеющую любовь к Богу, которыми он явил в себе пример покорности воле Божией и следования за Христом; мужественное стояние за веру православную на Брестском Соборе 1596 года, приведшее к претерпению изгнаний, неоднократных покушений на его жизнь и мученическую кончину. Также Синод постановил: писать новопрославленному угоднику Божию честные иконы для почитания, поклонения, согласно Правилам Седьмого Вселенского Собора; издать житие святого и восполнить службу Собору Белорусских Святых именем священномученика архидиакона Никифора.

Основываясь на постановлении униатского собора, король признал законной только греко-католическую (униатскую) церковь, а Православную объявил не подчинившейся «свободному» решению Собора, а потому не имеющей права на существование. Первым православным, арестованным за участие в работе Собора и непризнание унии, стал экзарх Никифор, заточенный в Мариенбургский замок, из которого он так и не вышел. Затем начались преследования всех православных, на которых правительство смотрело уже как на отщепенцев. Энергичное наступление на Православие повели униатские митрополиты Ипатий Потей (1599–1613 гг.) и Иосиф Рущкой (1613–1633 гг.). Для укрепления позиций греко-католической церкви на территории ВКЛ в 1617 году был создан орден базилиан. Униатские иерархи при поддержке представителей

власти постоянно «запечатывали» храмы, где служили не принявшие унию священники. Поэтому православные, например, в Витебске, были вынуждены собираться на богослужение в поле за городом. Печально известные события осени 1623 года, связанные с убийством епископа Иосафата Кунцевича, отражают реалии церковной жизни того времени. Уже к середине XVII века, несмотря на борьбу населения за сохранение своей веры, уния утвердилась на большей части территории современной Белоруссии. Тяжёлое положение православных в конце XVI — начале XVII века было связано также и с тем, что после заключения унии православные в Литовско-Новогрудской (Киевской) митрополии остались без церковной иерархии. В 1610–1620 годах на территории Речи Посполитой действовал только один православный иерарх: львовский епископ Иеремия Тиссаровский. Существовала опасность, что с исчезновением православной иерархии на территории Киевской митрополии постепенно исчезнет и православное духовенство. Эта опасность была устранена, когда в 1620 году Иерусалимский патриарх Феофан, посетивший Киев, поставил православным новых епископов и нового митрополита — Иова Борецкого. Поставление православных епископов встретило резко враждебную реакцию властей Речи Посполитой. Были изданы универсалы об их аресте. Большая часть владык не имела даже возможности находиться на территории своих епархий. Новые православные иерархи могли действовать лишь там, где им была обеспечена или опека светских властей, или защита казаков.

Не сумев избавиться от православных иерархов, правительство Речи Посполитой стало склонять их начать переговоры о «новой унии». Часть православных иерархов не исключала возможности таких переговоров, в частности Мелетий Смотрицкий. Однако резко отрицательную позицию по этому вопросу занимало мещанство, православная шляхта и казачество. Позитивные изменения в конфессиональной ситуации Речи Посполитой произошли в 30-е годы XVII века после смерти короля Сигизмунда III. Они были связаны с убеждением нового короля Владислава IV в необходимости изменения отношения к Православной Церкви. В итоге достаточно трудной внутривластной борьбы православные получили право иметь собственную митрополию со своей иерархией, подчинённой Константинополю. Новым митрополитом Киевским был избран Пётр Могила (1633–1646 гг.), который развернул широкую просветительскую и научную деятельность. С его именем

связано учреждение в Киеве высшего православного учебного заведения Киево-Могилянской академии. В состав Киевской православной митрополии вошла одна епископия на территории нынешней Белоруссии (Мстиславская) и три на территории современной Украины (Львовская, Луцкая и Перемышльская). Часть епископских кафедр, монастырей и приходских церквей, занятых униатами, были возвращены православным. И все-таки, несмотря на здравый смысл конфессиональной политики, Владислав IV прекрасно осознавал невозможность противостоять латино-униатской и иезуитской партиям, представляющим грозную силу в сейме. Уступая им, король зачастую принимал решения, противоречащие ранее принятым.

Конфессиональная ситуация во второй половине XVII–XVIII веков

Казацкая война под руководством Б. Хмельницкого и последовавшая за ней война Речи Посполитой и России (1654–1667 гг.) коренным образом изменили ситуацию в Киевской митрополии. По Андрусовскому перемирию земли современной Белоруссии остались в составе Речи Посполитой. При активном участии польских властей греко-католическая церковь восстанавливает ранее утраченные позиции. Решениями сеймов православному населению запрещалось выезжать за границу для поддержания сношений с Константинополем, ставропигии были ликвидированы. Число православных резко сокращается. Усиливается переход православной шляхты в католицизм.

Безусловной победой католицизма стал Замойский провинциальный собор 1720 года, утвердивший в униатской церкви католическую догматику и обряды. С этого времени начинается процесс открытой латинизации унии. Это вызвало сопротивление со стороны убеждённых сторонников «чистоты» унии, стремление к сближению с Православием. Особую роль в кризисе греко-католической церкви сыграл базилианский орден. Его открытая ориентация на Рим вызывала противодействие со стороны белого духовенства. Вместе с латинизацией наступила и эпоха массового перевода крестьян из Православия в унию, время нового наступления на Православие. Из всех епархий Киевской митрополии на землях Речи Посполитой осталась одна православная епархия — Могилевская. К концу XVIII века около 80 % крестьян на территории современной Белоруссии были униатами. Вместе с тем были часты

случаи унижения униатов со стороны католиков, желание показать, что уния — вера людей невежественных, что она, как и Православие — «clopska wiara».

Уже после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году и включения части земель современной Белоруссии в состав Российской империи Екатерина II повелела губернаторам «вновь присоединённых от Польши областей» объявить, что она не думает стеснять свободу веры. В тайном наказе губернаторам было предписано наблюдать за полной неприкосновенностью всех конфессий: православной, католической и униатской. Следствием этой политики явилось учреждение в 1773 году независимой от Рима Белорусской католической епархии во главе с епископом Станиславом Богуш-Сестренцевичем, представителем местного шляхетства. После третьего раздела были образованы две новые епископии: Пинская и Летичевская. Для управления делами католической церкви в Петербурге создавалась особая Римско-католическая коллегия, состоящая из нескольких прелатов, под председательством митрополита. На территории современной Белоруссии была разрешена деятельность запрещённого в 1773 году ордена иезуитов.

Более сложным было отношение к греко-католической церкви. Ввиду оппозиции греко-католической иерархии действиям российского правительства, Екатерина II оказала поддержку деятельности архиепископа Могилевского Георгия (Конисского), направленной на воссоединение греко-католиков с Православием. К концу царствования Екатерины II, по официальным данным, число униатов составило более двух миллионов человек. Во главе единственной униатской Белорусской епархии, образованной в 1794 году, был поставлен архиепископ Ираклий Лисовский. Это был человек, воспитанный в уважении к греко-восточным обрядам, горячий сторонник сближения униатской церкви с Православием.

Однако в составе России западнорусская Православная Церковь столкнулась с новым для неё каноническим устройством, установленным в России ещё Петром I. Эта особенность состояла в отсутствии патриаршества, синодальном управлении церковью. По существу, это вело к постепенному превращению Церкви в особое государственное ведомство со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

При императоре Павле I (1796–1801 гг.) были сделаны большие уступки католикам, а воссоединение униатов остановлено. В то же время

переход их в католичество не возбранялся. В 1798 году император учредил две новые униатские епархии: Брестскую (для губерний Минской и Литовской) и Луцкую (для Волынской и Подольской). Однако, не считая греко-католическую церковь канонически самостоятельной, он подчинил её католической коллегии. Последствием этой политики стала активная пропаганда католичества и обращение в «латинство» как униатов, так и православных. В результате многочисленных протестов и деятельности Ираклия Лисовского в 1799 году был издан указ, которым католическому духовенству запрещалось «совращать униатов и православных в латинство». В том же году был издан и другой указ, которым повелевалось, чтобы католические епархии управлялись самостоятельно, без сношения с Папой.

Те же тенденции в конфессиональной политике сохранились и в правление Александра I (1801–1825 гг.). Смена политического курса в царствование Николая I (1825–1855 гг.) привела к кардинальным изменениям конфессиональной ситуации на землях нынешней Белоруссии. Эти изменения были связаны с укреплением консервативных начал как основы стабильности государства и возврата на традиционный путь развития. Одним из проявлений консерватизма стала ориентация на укрепление Православной Церкви. Эта политика совпала с реформаторскими настроениями ряда униатских иерархов, которые были поддержаны российским правительством. Однако участие части униатского духовенства в восстании 1830–1831 годов не только остановило реализацию замыслов, но и привело к возникновению идеи о полной ликвидации греко-католической церкви. Эта идея и получила своё разрешение на Полоцком церковном соборе. 12 февраля 1839 года епископами и начальствующим духовенством был подписан «Соборный акт» о соединении униатской церкви с Православной. 25 марта «Синодальное деяние» было утверждено императором. Всего в 1839 году воссоединилось свыше 1600 приходов и более 1 млн 600 тыс. человек. Одним из важнейших последствий Полоцкого церковного собора стало возвращение церковнославянского языка в практику богослужения и начало применения народных белорусских говоров в проповедях воссоединённого православного духовенства⁹, что, безусловно, явилось важным фактором на пути развития национального самосознания белорусов. Однако

⁹ О Высочайше утверждённых мерах к устранению в Западных губерниях совращений из Православия в римский обряд. РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 149, фотокопия.

в 1839 году уния была ликвидирована не везде; униаты оставались в Холмской епархии (Седлецкая, Люблинская и Сувалковская губернии). Воссоединение на этой территории произошло лишь в 1875 году.

Православие в Белоруссии до 1917 года

Во второй половине XIX века — начале XX века на территории Белоруссии существовало 5 епархий — Полоцкая, Минская, Могилевская, Виленская и Гродненская. Самой молодой из этих епархий являлась Гродненская, образованная в 1900 году. В 1907 году было открыто Белостокское викариатство Гродненской епархии, в 1914 году — Гомельское викариатство Могилевской епархии. К 1914 году в Белоруссии насчитывалось 3552 церкви, 470 часовен, 21 мужской и 14 женских монастырей, 3 духовные семинарии: Виленская или Литовская, Минская, и Витебская. При всех приходах существовали церковноприходские школы, которые осуществляли начальное образование. В конце XIX века эти школы были одноклассными и двухклассными (2-и 4-годичными). По данным статистики, «в Витебской, Минской и Могилевской епархиях к 1899 году из 5269 народных школ в руках православного духовенства было 3260 (64,8 %). В 1904 году в пяти белорусских губерниях насчитывалось 2235 министерских школ и 5667 (71 % общего числа) синодских».

В начале XX века на страницах местных епархиальных и светских периодических изданий широко обсуждались возможные реформы Церкви. Местное духовенство высказывалось за созыв Поместного Собора. Дебатировался вопрос о выборности клириков, о реформе духовной школы, приходской жизни. Большое значение придавалось отношениям с религиозно настроенной интеллигенцией, которая стремилась видеть в христианстве прежде всего социально значимую силу. Православные авторы приветствовали поворот части интеллигенции к религии. Однако критиковали её «неохристианство».

Важным фактором церковной жизни в Белоруссии являлась деятельность православных братств, возрождение которых началось ещё в 60-е годы XIX века. Наиболее значительными из них были виленское Свято-Духовское, витебское св. Владимира, минское свт. Николая, Могилевское Богоявленское, в Полоцке — во имя свт. Николая и прп. Евфросинии. На протяжении 1905–1907 годов в Белоруссии и Литве прошёл ряд братских епархиальных съездов, в 1907 году

состоялся 1-й съезд представителей всех западнорусских православных братств, в 1909 году состоялся 2-й съезд. На съездах была поставлена задача создания при всех приходах Западного края братств, которые своей деятельностью должны были охватывать все слои населения. Братства создавали ссудные товарищества, активно развивали издательскую деятельность: публиковали периодику, книги по гражданской и церковной истории белорусско-литовских земель, проводили публичные богословские чтения.

Революционные события 1905 года изменили религиозную ситуацию в Беларуси. За период первой русской революции было принято 24 закона и указа по религиозному вопросу. Важнейшим из них явился указ 17 апреля 1905 года, объявлявший юридически возможным и ненаказуемым переход из Православия в другую веру, хотя «первенствующее и господствующее» значение оставалось за Православием. Этот указ знаменовал собой введение демократического права свободы совести в России. Тем не менее, в Беларуси, указ 17 апреля вызвал обострение межконфессиональных отношений.

После начала Первой мировой войны церковная жизнь на белорусских землях, ставших ареной военных действий, была парализована. В 1917 году сразу же после установления советской власти открывается новый период в истории Православной Церкви Белоруссии. Но это — отдельная тема.

В завершение хотелось бы отметить, что история Церкви не может быть ограничена только государственными рамками. Своими корнями она восходит к учению Господа нашего Иисуса Христа и ведёт своё начало от святых апостолов. Поэтому в церковной истории, в том числе и на белорусских землях, большое значение имеет исследование формирования и развития церковного строя, борьбы с язычеством и ересями, проникновения в непосредственно богословскую проблематику, т.е. то, что связано с внутренней историей Церкви. Безусловно, в рамках объёма журнальной статьи осветить все стороны истории Православной Церкви в Белоруссии, многовековые традиции которой были частично утрачены на территории нынешней Белоруссии, например, вследствие включения верующих в унию с Римско-Католической церковью, невозможно. Автор статьи ограничил свою задачу вполне определёнными проблемами, которые в современной историографии представляются наиболее актуальными.

Об авторе

Теплова Валентина Анатольевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, доцент Белорусского государственного университета; 220030, Беларусь, г. Минск, ул. Зыбицкая, 27, e-mail: teplova_val@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. — Т. 1: 1340–1506. — 375 с. + 24 с. прим. + 15 с огл.

Алексеев, Л. В. Крест — красота Церкви / Л. В. Алексеев, Т. И. Макарова. — Минск : Четыре четверти, 1997. — 115 с.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, выс. учрежд. при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Киев : Унив. тип., 1859. — Ч. 1, Т. 1: Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. — LXXXVII, 555 с.

Беднов, В. А. Православная Церковь в Польше и Литве / В. А. Беднов. — Минск : Лучи Софии, 2002. — 432 с.

Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский. — Киев : Наукова думка, 1989. — 295 с.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — 608с.

Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. — М. : Крутицкое Патриаршее подворье, Общ-во любителей церков., истории, 2002. — Т. I. — 926, XVII с.

Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. — СПб. : Кристалл, 2001. — 770 с.

Диль, Ш. История Византийской империи / Ш. Диль. — М. : Изд-во и тип. Гос. изд-ва иностр. лит., 1948. — 160 с.

Заяц, Ю. А. Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материалам археологии) / Ю. А. Заяц // Тезісы навуковай канф., прысв. 1000-летію Полацкай

епархii i Праваславнай царквы на Беларусi. — Минск : изд. Белорусского Экзархата БПЦ, 1992. — С. 21–22.

Загорульский, Э. М. Белая Русь. Середина I тыс. — середина XIII в. / Э. М. Загорульский. — Минск : Четыре четверти, 2013. — 532 с.

Из постановления Городельского сейма об унии Великого княжества Литовского с Польшей // Уния в документах: сб. — Минск : Лучи Софии, 1997. — С. 68–71.

Иловайский, Д. Царская Русь / Д. Иловайский. — М. : Изд-во Чарли, 1996. — 640 с.

Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви / А. В. Карташев. — М. : Терра-Тerra, 1997. — Т. 1. — 688 с.

Киев и Западные земли Руси в IX–XIII вв: сб. статей. — Минск : Наука и техника, 1982. — 127 с.

Кривонос, Ф. (священник). Лекции по истории Православной Церкви Беларуси / священник Феодор Кривонос. — Минск : Врата, 2012 — 240 с.

Кривонос, Ф. (священник). Рогнеда — Анастасия / священник Феодор Кривонос // Святая Русь. — 2000. — № 2. — С. 58–62.

Кривонос, Ф. (священник). Об учреждении епископской кафедры в Турове / священник Феодор Кривонос // Тысячелетие Туровской епархии: материалы XI Минских епархиальных Чтений. — Минск : Белорусский Экзархат, 2005. — 159 с. — (Веснік Беларускага Экзархата ; т. 4).

Беларусь / священник Феодор Кривонос, В. А. Теплова, Г. Н. Шейкин [и др.] // Православная Энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2002. — Т. IV. — С. 475–478.

Василий (Костюк; иеродиакон). Очерки по истории Православия в пинском Полесье IX–XVIII вв. / иеродиакон Василий (Костюк) // Запіскі культурна-гістарычнай Калегіі імя Канстанціна Астрожскага. — Брэст, 2002. — С. 49–94.

Лаврецкий, Г. А. Православное зодчество Беларуси / Г. А. Лаврецкий. — Минск : Четыре четверти, 1995. — 99 с.

Левшун, Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков / Л. В. Лев-

шун. — Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. — 896 с.

Левшун, Л. В. О специфике белорусского этногенеза в XIV–XVII вв. / Л. В. Левшун // *Rossicaantique*. Исследования и материалы / отв. ред.: А. Б. Дворниченко, А. В. Майоров. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — Вып. 2. — С.

Святая Русь или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVII века) обще и местно чтимых / сост. архимандрит Леонид, издание графа Шереметева С. Д. — СПб. : тип. Стасюлевича М., 1891. — 64 с. — (Памятники древней письменности и искусства; [вып.] 97).

Лысенко, П. Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии / П. Ф. Лысенко // *Тысячелетие Туровской епархии: материалы XI Минских епархиальных Чтений*. — Минск : Белорусский Экзархат, 2005. — С. 17–23. — (Вестник Белорусского Экзархата; т. 4).

Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. — Минск : Беларуская навука, 2001. — 275 с.

Макарий (Булгаков; митрополит). История Русской Церкви / митрополит Макарий (Булгаков). — М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. — Кн. V. — 559 с.

Мельников, А. А. Преподобная Евфросиния Полоцкая / А. А. Мельников. — Минск : Четыре четверти. — 1997. — 120 с.

Мельников, А. А. Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси / А. А. Мельников. — Минск: изд. Белорусского Экзархата БПЦ, 1992. — 239 (2) с.

Миловидов, А. О положении православия и русской народности в Пинском удельном княжестве и городе Пинске до 1793 года / А. О. Миловидов. — М. : Тип. А.И. Снегиревой, 1894. — [2], 73 с.

Пері, Вітторіо. Берестейская унія у римському баченні / Вітторіо Пері // *Історичний контекст, укладення унії і перше поупійне покоління: Матеріали “Перших Берестейських читань”*, Львів, Івано-Франківськ, Київ, 1-6 жовтня 1994 р. — Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1995. — С. 7–24.

Петрухин, В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. — Смоленск : Русич; М. : Гнозис, 1995. — 320 с.

Пилипенко, М. Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция / М. Ф. Пилипенко. — Минск : Беларусь, 1991. — 143 с.

Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобная Еуфросинии, игуменьи монастыря Святага Спаса и Пречистыя Его Матере ... // Кніга жыццй і хаджэнняў. — Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. — С. 9–57.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. — СПб. : издание Археографической комисс., 1843. — Том 2. Ипатьевская летопись. — 379 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. — СПб. : издание Археографической комисс., 1862. — Том 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никонскою летописью. — 256 с.

Житъе и хоженъе Данила, русской земли игумена: 1106–1108 гг. Ч. 2 / под ред. М. А. Веневитинова. — СПб. : Типография В. Киришбаума, 1885. — 247 с. — (Православный палестинский сборник ; т. 3, вып. 3 (вып. 9)).

Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков. — СПб. : Наука, 2003. — 245 с.

Салтыков, А. (прот.). Два собора в Бресте 1596 года — две экклезиологии / протоиерей Александр Салтыков // Материалы научно-богословской конф., посвященной памяти преподобно мученика Афанасия, игумена Брестского, Брест, 16–19 сентября 1996 г. / Православное братство во имя Архистратига Божия Михаила. — Минск, 1997. — С. 30–35.

Сарабьянов, В. Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В. Д. Сарабьянов. — 2-е изд. — М. : Северный Паломник, 2009. — 226 с.

Свет веры, свет книги... / сост. Л. В. Левшун. — 2-е изд., доп. — Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии, 2016 — 199 с.

Скрынченко, Д. В. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению / Д. В. Скрынченко. — СПб. : тип. Монтвида, [1908]. — 164 с.

Слово о полку Игореве: сборник исследований и статей / под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Акад. наук СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 484 с.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — М. : Издательство социально-экономической литературы, 1961. — Кн. V. — 755 с.

Беларусь / свящ. Феодор Кривонос, В. А. Теплова, И. В. Чаквин, И. В. Оржеховский, Г. Н. Шейкин, С. В. Силова, Г. А. Лаврецкий // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/77856.html> (дата обращения: 01.08.2021).

Теплова, В. А. Брестский церковный собор и Брестский церковный синод 1596 г. в свете православной экклезиологии / В. А. Теплова // *Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы.* — 2008. — № 1. — С. 173–183.

Теплова, В. А. Православие и культура Беларуси: своеобразие в единстве / В. А. Теплова // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* — 2009. — Т. 27, № 4. — С. 131–135.

Теплова, В. А. Православие в период разъединения Руси (XIII–XVI вв.) / В. А. Теплова // *Проблемы управления.* — 2008. — № 4(29). — С. 238–239.

Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века: издание преосвящ. Евгения, епископа Минского и Туровского (ныне Астраханского и Енотаевского). — Киев : Типография Киево-печерской Лавры, 1880. — 296 с.

Уния в документах: сб. / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Изд-во Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Флоря, Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век) / Б. Н. Флоря. — СПб. : Алетейя, 2004. — 221, [1] с.

Штыхов, Г. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. Штыхов. — Минск : Наука и техника, 1978. — 159 с.

Теплова, В. А. Православная церковь Беларуси конец XV — начало XX вв. / В. А. Теплова // Сайт прихода Иконы Всех скорбящих Радость. Центр просвещения и милосердия Белорусского экзархата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sobor.by/bcerk.htm> (дата обращения: 01.08.2021).

Orthodoxy in the land of Belarus: pages of history¹⁰

V. A. Teplova

ST. CYRIL TUROVSKY MINSK THEOLOGICAL ACADEMY,
MINSK, BYELORUSSIA

Abstract: This article describes the historical path of Orthodoxy in the lands of contemporary Belarus, which has taken more than a thousand years and which can be distinguished by a great peculiarity. The states, including the Western Russian lands, have had a decisive influence on the church life of the local population. Orthodoxy came to the lands of present-day Byelarus together with the baptism of all Rus at the late 10th century. It was the beginning of a complex and long-term process of the Christianization of the vast Old Russian state and the political unification of the East Slavic tribes. The second period in the history of Orthodoxy in ancient Russian lands was connected with the formation of the Grand Duchy of Lithuania and lasted until the proclamation of the Brest Church Union (the second half of the 13th — the late 16th century). It was characterized by a gradual loss of the position of the Orthodox Church as a result of the religious indifference policy pursued by the pagan authorities of the Grand Duchy of Lithuania and, since 1387, open support of the Roman-Catholic Church, which ended with the adoption of the Brest Church Union. The third period, the 17th — late 18th centuries, was the time of struggle for survival in an environment of dominating Catholicism and anti-Orthodox legislation, which led the Orthodox Church to the brink of extinction. The late of 18th — early 20th century is characterized by the inclusion of White Russia territories into the Russian Empire. It was a time of Orthodoxy revival and reunification of the Belarusian people

¹⁰ In this article, the author has used her own previously published texts as well (see References).

divided by the Brest Church Unity into Orthodox and Uniates. The Soviet years in the history of the Russian Orthodox Church in Belarus are connected with the hard trials, which the Orthodox Church experienced during the Soviet time. The contemporary period in history of Orthodox Church in Byelarus begins with the foundation of the Belarusian Exarchate of Moscow Patriarchate in 1989 and proceeds up to now. It is characterized by not simple process of spiritual revival of the society and fast restoration of Orthodoxy's positions in the sovereign Republic of Byelarus.

Keywords: Orthodoxy, Baptism, Catholicism, Brest Church Unia, Polotsk Principality, Grand Duchy of Lithuania, Byelarus, Russian Orthodox Church, Byelarussian Orthodox Church, Belarusian Exarchate, reunification, abolition, Byelarussian people, revival, sanctity.

For citation: Teplova V.A. Orthodoxy in the land of Belarus: pages of history. *Orthodoxia*. 2021. №2. С. 12–71. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-12-71

About the author:

Valentina Anatolievna Teplova — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Church History and Church Practical Disciplines of the Minsk Theological Academy, Associate Professor at the Belarusian State University.

Address: 27 Zybetskaya str., Minsk, Belarus, 220030, e-mail: teplova_val@mail.ru

REFERENCES

Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiiy [Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archeographic Commission]. (1846). (Vol. 1. 1340–1506). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii. [In Russian].

Alekseev, L. V. & Makarova, T. I. (1997). *Krest — krasota Tserkvi* [Cross Is the Beauty of the Church]. Minsk: Chetyre cherty. [In Russian].

Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy Vremennoyu komissieyu dlya razbora drevnikh aktov, vys. Uchrezhd. pri kievskom

voennom, podol'skom i volynskom general-gubernatore [Archive of Southwestern Russia, published by the Provisional Commission for Revision of Ancient Acts, Established by the Governor-General of Kyiv, Podolsk and Volyn] (1859) (Part 1, vol. 1). Kyiv: Universalnaya tipografiya. [In Russian].

Bednov, V. A. (2002). *Pravoslavnaya Tserkov v Polshe i Litve* [The Orthodox Church in Poland and Lithuania]. Minsk: Luchi Sofii. [In Russian].

Braychevskiy, M. Yu. (1989). *Utverzhdenie khristianstva na Rusi* [The Adoption of Christianity in Rus]. Kyiv: Naukova dumka. [In Russian].

Genrikh Latviyskiy. Khronika Livonii [The Livonian Chronicle of Henry] (1938). Moscow–Leningrad.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. [In Russian].

Golubinskiy, E. E. (2002). *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church] (Vol. 1). Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvorye, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. [In Russian].

Gumilev, L. N. (2001). *Drevnyaya Rusi i Velikaya step* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Saint Petersburg: Kristall. [In Russian].

Dil, Sh. (1948). *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow: State. ed. foreign literature. [In Russian].

Zayats, Yu. A. (1992). *Rasprostranenie khristianstva v gorodakh Polotskoy zemli (po materialam arkheologii)* [Spreading Christianity in the cities of the Polatsk land (on the materials of archeology)]. *Tezisy navukovoy kanf., prysv. 1000-letiyu Polatskay eparkhii i Pravoslavnay tsarkvy na Belarusi* [Theses of the Research Conference on the 1000th Anniversary of the Polatsk Eparchy and the Orthodox Church in Belarus] (pp. 21–22). Minsk: izdatelstvo Belorusskogo Ekzarkhata BPTs. [In Russian].

Zagorulskiy, E. M. (2013). *Belaya Rus. Seredina I tys. — seredina XIII v.* [White Rus. The Middle of the 1st millenium — the Middle of the 13th c.]. Minsk: Chetyre chetverti. [In Russian].

Iz postanovleniya Gorodel'skogo seyma ob unii Velikogo knyazhestva Litovskogo s Polshey [From the resolution of the Horodel Sejm on the Unia of the Grand Duchy of Lithuania with Poland] (1997). In *Uniya v dokumentakh* [Unia in Documents] (pp. 68–71). Minsk: Luchi Sofii. [In Russian].

Ilovayskiy, D. (1996). *Tsarskaya Rus* [Tsar's Rus]. Moscow: Izdatelstvo Charli. [In Russian].

Kartashev, A. V. (1997). *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church] (Vol. 1). Moscow: Terra-Terra. [In Russian].

Kiev i Zapadnye zemli Rusi v IX–XIII vv. [Kyiv and the Western Provinces of Russia in the 9th–13th cc.]. (1982). Minsk: Nauka i tekhnika. [In Russian].

Vasiliy (Kostyuk) (иеродиакон). (2002). *Ocherki po istorii Pravoslaviya v pinskom Polesye IX–XVIII vv.* [Essays on the History of Orthodoxy in the Pinsk Polesie of the 9th–18th cc.]. In *Zapiski kulturna-gistarychnay Kalgii imya Kanstantsina Astrozhska* [Notes of the Konstantin Ostrogsky Cultural and Historical College]. Brest. [In Russian].

Lavretskiy, G. A. (1995). *Pravoslavnoe zodchestvo Belarusi* [Orthodox Architecture of Belarus]. Minsk: Chetyre chetverti. [In Russian]

Levshun, L. V. (2009). *O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem. Teoretiko-analiticheskiy ocherk istorii vostochno-slavyanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov* [On the Word Transformed and the Word Transforming. Theoretical and Analytical Essay on the History of the East Slavic Book Words of the 11th–17th cc.]. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov. [In Russian].

Levshun, L. V. (2007). *O spetsifike belorusskogo etnogeneza v XIV–XVII vv.* [On the specificity of the Belarusian ethnogenesis in the 14th–17th cc.]. In A. B. Dvornichenko & A. V. Mayorov (eds.), *Rossica antique. Issledovaniya i materialy* [Rossica antique. Research and Materials] (Vol. 2). Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. [In Russian].

Leonid (Kavelin) (archimandrite). (1891). *Svyataya Rus' ili Svedeniya o vseh svyatykh i podvizhnikakh blagochestiya na Rusi (do XVII veka) obshche i mestno chtimyykh* [Holy Russia or Information about All Saints and Ascetics of Piety in Russia do XVII veka) obshche i mestno chtimyykh]. Saint Petersburg: izdatelstvo Stasyulevicha. [In Russian].

Lysenko, P. F. (2005). *K voprosu ob uchrezhdenii Turovskoy eparkhii* [On the establishment of the Turov diocese]. In *Tsyacheletie Turovskoy eparkhii. Materialy XI Minskikh eparkhialnykh chteniy* [Millennium of the Turov Eparchy. Materials of the 11th Eparchial Readings] (Bulletin of the Belarusian

Exarchate, Vol. 4, pp. 17–23). Minsk: Belorusskiy Ekzarkhat. [In Russian].

Lysenko, P. F. *Turovskaya zemlya IX—XIII vv.* [Turov Land of the 9th–13th cc.]. Minsk: Belaruskaya navuka. [In Russian].

Makariy (Bulgakov) (metropolitan of Moscow and Kolomna). (1996). *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church] (Vol. 5). Moscow: Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. [In Russian].

Melnikov, A. A. (1997). *Prepodobnaya Evfrosiniya Polotskaya* [Venerable Euphrosyne of Polotsk]. Minsk: Chetyre chetverti. [In Russian]

Melnikov, A. A. (1992). *Put nepechalen. Istoricheskie svidetel'stva o svyatosti Beloy Rusi* [The Way Is Not Sealed. Historical Evidences about the Holiness of Belaya Rus]. Minsk: izdatelstvo Belorusskogo Ekzarkhata BPTs. [In Russian].

Milovidov, A. (1894). *O polozhenii pravoslaviya i russkoy narodnosti v Pinskom udelnom knyazhestve i gorode Pinske do 1793 goda* [On the State of Orthodoxy and the Russian Nationality in the Pinsk Specific Duchy and the Town of Pinsk before 1793]. Moscow: Tipografiya A. I. Snegirevoy. [In Russian].

Peri, Vittorio. (1995). Beresteyskaya uniya u rims'komu bachenni [The Beresti Unity in the Roman Empire]. *Istorichniy kontekst, ukladennyya unii i pershe pouniynye pokolinnya: Materiyyali "Pershih Beresteys'kikh chitan"*, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kiiv, 1—6 zhovtnya 1994 r. [Historical Context, the Charter of the Unity and the First Generation: Proceedings of the "First Beresti Readings", Lviv, Ivano-Frankivsk, Kyiv, 1–6 June 1994] (pp. 7–24). Lviv: Institut Istorii Tserkvi Lvivskoi Bogoslovs'koi Akademii. [In Russian].

Petrukhin, V. Ya. (1995). *Nachalo etnokulturnoy istorii Rusi IX–XI vekov* [The Beginning of Ethnocultural History of Rus in 9th–11th cc.]. Smolensk: Rusich; Moscow: Gnozis. [In Russian].

Pilipenko, M. F. (1991). *Vozniknovenie Belorussii. Novaya kontseptsiya* [The Emergence of Belarus. A New Concept]. Minsk: Belarus. [In Russian].

Povest zhitiya i prestavleniya svyatyya i blazhennyya i prepodobnaya Eufrosinii, igumen'i manastyrya Svyataga Spasa i Prechistyya Ego Matere... [Narrative of the Life and Transfiguration of the Saint and Blessed and Monk Euphrosyne, the Abess of the Monastery of the Holy Savior and of the Most Holy

Mother of God...]. (1994). In *Kniga zhytsiy i khadzhenyay* [The Book of Lives and Intercession] (pp. 26–41). Minsk: Mastatskaya litaratura. [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochaishemu povelenyu Arkheograficheskoyu kommissieyu [Complete Works of the Russian Annals izdannoe po vysochaishemu povelenyu Arkheograficheskoyu kommissieyu]. (1843). (Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'). Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa. [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochaishemu povelenyu Arkheograficheskoyu kommissieyu [Complete Works of the Russian Annals izdannoe po vysochaishemu povelenyu Arkheograficheskoyu kommissieyu]. (1862). (Vol. 9. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu). Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa. [In Russian].

Venevitinov, M. A. (ed.). (1885). *Zhit'e i khozhen'e Danila, russkoi zemli igumena: 1106 1108 gg.. Ch. 2* [Zhit'e i khozhen'e Danila, russkoi zemli igumena: 1106 1108 gg.. Ch. 2] (Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik [Palestinian Orthodox Collection], 3(3), iss. 9). Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. [In Russian].

Priselkov, M. D. (2003). *Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv.* [Essays on the Ecclesiastical and Political History of Kievan Rus in 10th–12th cc.]. Saint Petersburg: Nauka. [In Russian].

Krivosos, Feodor (priest). (2012). *Leksii po istorii Pravoslavnoy Tserkvi Belarusi* [Lectures on the History of the Orthodox Church in Belarus]. Minsk: Vrata. [In Russian].

Krivosos, Feodor (priest). (2000). Rogneda — Anastasiya [Rogneda - Anastasia]. *Svyataya Rus* [Holy Rus], (2), 58–62. [In Russian].

Krivosos, Feodor (priest). (2005). Ob uchrezhdenii episkopskoy kafedry v Turove [On establishing the Bishop's Chair in Turov]. In *Tysyacheletie Turovskoy eparkhii. Materialy XI Minskikh eparkhialnykh chteniy* [Millennium of the Turov Eparchy. Materials of the 11th Eparchial Readings] (Bulletin of the Belarusian Exarchate, Vol. 4, pp.). Minsk: Belorusskiy Ekzarkhat. [In Russian].

Krivosos, Feodor (priest.), Teplova V. A., Sheykin, G. N. [et al.]. (2002). Belarus. In *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox

Encyclopedia] (Vol. 4, pp. 475–478). Moscow: Church-Scientific Center “Pravoslavnaya entsiklopediya”. [In Russian].

Saltykov, Aleksandr (protoiereus). (1997). *Dva sobora v Breste 1596 goda - dve ekkleziologii* [Two councils in Brest in 1596 - two ecclesiologies]. *Materialy nauchno-bogoslovskoy konf., posvyashchennoy pamyati prepodobnomuchenika Afanasiya, igumena Brestskogo, Brest, 16–19 sentyabrya 1996 g.* [Proceedings of the Research and Theological Conference in Memory of the martyr Athanasius, hegumen of Brest, Brest, 16–19 September 1996] (pp. 30–35). Minsk: Pravoslavnoe bratstvo vo imya Arkhistratiga Bozhiya Mikhaila. [In Russian].

Sarabyanov, V. D. (2009). *Spaso-Preobrazhenskaya tserkov Evfrosineva monastyrya i ee freski* [The Savior Transfiguration Church of Euphrosine’s Monastery and Its Frescoes] (2nd edition). Moscow: Severnyy Palomnik. [In Russian].

Levshun, L. V. (ed.). (2016). *Svet very, Svet knigi...* [Light of Faith, Light of a Book...] (2nd edition, revised). Minsk: RIVSh. [In Russian].

Skrynchenko, D. V. (2016). *Tsennost zhizni po sovremenno-filosofskomu i khristianskomu ucheniyu* [The value of life by modern philosophical and christian teaching]. Saint Petersburg: tipografiya Montvida [1908]. [In Russian].

Adrianova-Peretts, V. P. (ed.) (1950). *Slovo o polku Igoreve: sbornik issledovaniy i statei* [The Tale of Igor’s Campaign: sbornik issledovaniy i statei]. Moscow-Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. [In Russian].

Solovyov, S. M. (1961). *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Russian History since the Early Times] (Vol. 5). Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury. [In Russian].

Evgenii [Shereshilov] (Bishop of Minsk and Turov). (1880). *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Kirilla, episkopa Turovskogo, s predvaritel’nym ocherkom istorii Turova i Turovskoi ierarkhii do XIII veka* [Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Kirilla, episkopa Turovskogo, s predvaritel’nym ocherkom istorii Turova i Turovskoi ierarkhii do XIII veka]. Kyiv. [In Russian].

Teplova, V. A. & Zueva, Z. I. (eds.). (1997). *Uniya v dokumentakh: Sb.* [Unia in Documents: Collected Works] Minsk: Izdatelstvo Luchi Sofii. [In Russian].

Florya, B. N. (204). *U istokov religioznogo raskola slavyan-skogo mira (XIII vek)* [At the Origins of the Religious Schism in

the Slavic World (13th c.)). Saint Petersburg: Aleteyya. [In Russian].

Shtykhov, G. (1978). *Goroda Polotskoy zemli (IX–XIII vv.)* [Cities of the Polotsk Land (9th–13th cc.)]. Minsk: Nauka i tekhnika. [In Russian].

Teplova, V. A. (n.d.). Pravoslavnaya tserkov Belarusi konets XV — nachalo XX v. [Orthodox Church in Belarus at the late 15th — early 20th c.]. *Sayt prikhoda Ikony Vsekh skorbyashchikh Radost. Tsentr prosveshcheniya i miloserdiya Belorusskogo ekzarkhata* [Site of the Parish of the Icon of Joy of All Who Sorrow. Center of Enlightenment and Mercy of the Belarusian Exarchate]. Retrieved August 1, 2021 from <http://www.sobor.by/bcerk.htm> [In Russian].

Krivosos, Feodor (priest), Teplova, V. A., Chakvin, I. V., Orzhekhovskii, I. V., Sheikin, G. N., Silova, S. V. & Lavretskii G. A. (n.d.). Belarus. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Retrieved August 1, 2021 from <https://www.pravenc.ru/text/77856.html> [In Russian].

Teplova, V. A. (2008). Brestskiy tserkovnyy sobor i Brestskiy tserkovnyy sinod 1596 g. v svete pravoslavnoy ekkleziologii [Brest Church Council and Brest Synod of 1596 in the light of Orthodox ecclesiology]. *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy* [Studia Historica Europae Orientalis. Studies in the History of Eastern Europe], (1), 173–183. [In Russian].

Teplova, V. A. (2009). Pravoslavie i kul'tura Belarusi: svoebrazie v edinstve [Orthodoxy and culture of Belarus: uniqueness in unity]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 27(4), 131–135. [In Russian].

Teplova, V. A. (2008). Pravoslavie v period raz"edineniya Rusi (XIII–XVI vv.) [Orthodoxy during the disintegration of Russia (13th–16th cc.)]. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], (4(29)), 238–239. [In Russian].